

Рогов Е.Я.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ХЕРСОНЕССКОГО ГОСУДАРСТВА

Rogov E.I. Some problems of foundation and development of the Chersonesus state.

The article is dedicated to the Greek colonization of the North-Western part of the Crimea. A number of rather important and disputable questions is being thoroughly analyzed: the date of foundation of Chersonesus, the interpretation of the settlement on the peninsula of Maiachni, attribution and dating of curled up burials of the Chersonesus necropolis, the participation of Olbia in the colonization of the North-West of the Crimea, political inter-relations of Scythians of Chersonesus and Kerkinitide. A wide use of initial records, historiography of the end of the XIX – beginning of the XX c. And of the newest one, and also a critical approach to the traditional points of view makes the work extremely interesting and topical.

Существующие ныне представления о процессе и характере заселения эллинами Юго-Западного Крыма полностью находятся в рамках т.н. дорийской модели колонизации (Щеглов 1986; 1994; Виноградов, Щеглов 1990). Суть модели сводится к насильственному внедрению дорийских колонистов на какую-либо территорию, захвату земель, занятых местными жителями, и обязательному подчинению последних с установлением одной из форм зависимости от гражданской общины.¹

Спору нет, многочисленные примеры внедрения дорийских гражданских коллективов в среде местных жителей и их взаимоотношения демонстрируют, за редким исключением, именно такой путь освоения новых территорий (см., например: Виноградов, Щеглов 1990). Однако при этом следует иметь в виду, что сама схема или модель дорийской колонизации могла возникнуть и возникла исключительно из анализа письменных источников, но на археологическом материале еще ни разу не была продемонстрирована. Не опираясь на конкретный археологический материал, модель, естественно, не учитывает особенностей становления и развития дорийских общин на новых территориях.

С другой стороны, существует опасность и другого рода: модель изначально может задавать направление в осмыслении и интерпретации археологических материалов, которые «подгоняются» под готовую историческую конструкцию,

лишь ее иллюстрируя. При этом неизбежно факты оказываются упрощенными, противоречия между ними сглаживаются или не учитываются вовсе.

Добавим к этому также и то, что целый ряд пассажей, содержащихся в письменных источниках и положенных в основу модели, не может быть интерпретирован однозначно, и это естественным образом приводит исследователей к различным выводам (ср.: Фролов 1981; Свенцицкая 1967; Сапрыкин 1986: 30-35). Важно при этом подчеркнуть, что все эти сведения не относятся к деятельности дорийцев в Юго-Западном Крыму и могут привлекаться в качестве аналогий лишь с известными оговорками.

Попробуем взглянуть на ход колонизационной деятельности эллинов в этом районе Крымского полуострова, не ограничиваясь рамками модели.

Среди современных исследователей менее всего вызывает сомнений вопрос о времени основания Херсонеса. Согласно гипотезе А.И.Тюменева, развившейся из замечания немецкого ученого Г.Шнайдервирта, событие это скорее всего могло случиться в 422/421 г. до н.э. (Schneiderwirth 1887: 5; Тюменев 1938). Предложенная дата получила признание в отечественной и зарубежной историографии, хотя никогда и не подвергалась критике. Между тем, несмотря на всеобщее признание, основание города Херсонеса в последней четверти V в. до н.э. остается все же гипотезой (Щеглов 1976: 13). При этом невозможно не замечать резкого противоречия между гипотезой, сформулированной исключительно на исторических источниках, и реальной ситуацией, опирающейся на источники археологические, материальные, согласно которым ни в самом Херсонесе, ни в его округе

¹ О дорийской модели см.: дискуссия на симпозиуме «Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации» // «Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации». Тбилиси 1981: 273-291; Щеглов 1986: 174-176; Виноградов, Щеглов 1990: 369 сл.; Фролов 1981: 29. Библ.

в последней четверти V в. до н.э., равно как и в начале IV в. до н.э. не происходит никаких существенных изменений, свидетельствующих о прибытии переселенцев и основании ими города. По сути дела, приходится допускать, что город, основанный гераклеотами и делосцами для освоения (как показывает его дальнейшая история) Юго-Западной Таврики, почти половину столетия не имел своей сельскохозяйственной территории.

До недавнего времени дискуссионным оставался вопрос о существовании на месте дорийского Херсонеса более раннего поселения. Наличие в культурных слоях города материалов более ранних, чем последняя четверть V в. до н.э., заставляло предполагать существование на берегу Карантинной бухты раннего ионийского поселения — фактории или морской станции (Ростовцев 1918: 89; Гриневиц 1927: 21), торговой фактории (Блаватский 1949: 145; Жебелев 1953: 77, 80) или временной якорной стоянки (Стржелецкий 1959: 68; Зедгенидзе 1979: 30).

Исследования в восточной части Херсонесского городища, проводившиеся в последние десятилетия (Золотарев 1986; 1986а; 1988), а также ревизия и анализ ранних материалов некрополя Херсонеса (Монахов, Абросимов 1993) ставят существование раннего поселения на месте дорийского Херсонеса на твердую почву неоспоримых фактов.

Иное дело, что по-прежнему во многом загадочным остается облик этого поселения, его структура и основные функции. Лакуну в наших знаниях не заполняет анализ серии остраконов, изготовленных из обломков амфорной и чернолаковой керамики, датированных издателями V в. до н.э. (Виноградов, Золотарев 1990). Предполагается, что поселение на берегу Карантинной бухты было основано в конце VI в. до н.э. гераклеотами совместно с ионийцами и с самого начала полис имел все необходимые полисные структуры (Золотарев 1995).

Тем не менее остается целый ряд неясных вопросов, среди которых на первое место мы должны поставить вопрос о том, почему же новый полис не получил развития, подобно Ольвии или Керкинитиде, а так и оставался в зачаточном состоянии на протяжении всего V в. до н.э., до тех пор, пока в него не вселилась новая волна колонистов из Гераклеи и Делоса. В отличие от упомянутых выше греческих городов Северного Причерноморья, этот полис на месте будущего Херсонеса находился в явно более благоприятных условиях — он не испытывал постоянного и мощного давления со стороны степных варваров.

Значительные изменения как в самом Херсонесе, так и во всем Юго-Западном Крыму наступают только в IV в. до н.э., уже после выведения сюда гераклеотами совместно с делосцами новой колонии.

О первых десятилетиях существования го-

рода данных почти нет. Возможно, что уже в первой четверти IV в. до н.э. Херсонес каким-то образом участвует на стороне Гераклеи в войне за Феодосию (Золотарев 1984: 82-92) или, по меньшей мере, служит опорным пунктом гераклеотов на крымском побережье (Сапрыкин 1986: 74, 83).

Судя по всему, Херсонес в это время занимал ту же территорию, что и более раннее дохерсонесское поселение — в северо-восточной части возвышенности, вытянутой с северо-запада на северо-восток. С юга возвышенность ограничивалась глубокой балкой или существовавшим в древности заливом Карантинной бухты (Бертъе-Делагард 1907: 124. Табл.П), а с северо-запада и запада — обширной западиной, занятой некрополем, который в конце IV в. до н.э. был застроен жилыми кварталами. Таким образом, даже с прибытием новых поселенцев в последней четверти V в. до н.э. территория поселения не увеличилась.

К середине IV в. до н.э. город все еще занимал небольшую площадь: разные исследователи оценивают ее по-разному — от 10-11 гектаров (Беляев 1984: 49) до 15 (Стржелецкий 1959: 69) и даже 20 га (Щеглов 1976: 14). Несмотря на разницу в оценках, отметим, что границы города этого времени надежно фиксируются расположением погребений некрополя и местами керамических свалок (Беляев 1984 Табл.VII; Зедгенидзе 1979: 30-31).

Первые неоспоримые и наиболее ранние следы деятельности по устройству сельскохозяйственной территории фиксируются на Маячном полуострове в 9 км к юго-западу от Херсонесского городища. Это глубоко вдающийся в море трапециевидной формы полуостров, соединяющийся с материком (Гераклейским полуостровом) узким перешейком. Площадь Маячного полуострова в современном виде без учета прошедшей за тысячелетия абразии берега составляет около 380 га. Надо полагать, что в древности его площадь была несколько больше. По данным А.Н.Щеглова, она составляла не менее 470-480 га, которые были поделены на 110 наделов по 4,41 га каждый (Щеглов 1993: 33). На площади полуострова в начале нашего столетия Н.М.Печенкиным было зафиксировано около сотни мест, которые он считал развалинами усадеб (Печенкин 1911; ср. Стржелецкий 1961: 30-32).

Именно Маячный полуостров, размежеванный на наделы, и рассматривается обычно в качестве ранней сельской территории Херсонеса (Стржелецкий 1961: 157; Яйленко 1982: 127 и сл.; Сапрыкин 1986: 61; Щеглов 1986: 158-159).

От обрывистого морского побережья до верховий Казачьей бухты полуостров перегораживают две крепостные стены, расположенные почти параллельно друг другу. Наружная стена, обращенная в сторону Гераклейского полуост-

рова, толщиной 2,75 м, была укреплена 10-ю оборонительными башнями; внутренняя, более тонкая, толщиной 1,75 м, имела 12 башен, обращенных в сторону Маячного полуострова (Стржелецкий 1959: 72). По заключению такого знатока херсонесской фортификации, каким был Л.Бертье-Делагард, кладка стен выполнена из не крупного штучного камня без раствора, «подобная древняя кладка нигде в Херсонесе не зафиксирована» (Бертье-Делагард 1907: 195).

Оборонительные стены отстоят друг от друга на расстояние 200-210 м, пространство, заключенное между ними (площадь около 18 га), было занято жилой застройкой, которая, однако, судя по шурфовке Н.М.Печенкина, отсутствовала в более возвышенной западной части (Печенкин 1911: Л.9).

Въезд на поселение был фланкирован оборонительными башнями. У одной из башен — первой со стороны моря — во время работ в 1890 году К.К.Косцюшко-Валюжиничем был открыт небольшой храм, посвященный Дионису (Стржелецкий 1948: 97-106).

Как размежевка площади Маячного полуострова, так и закладка крепостных стен были осуществлены одновременно, поскольку дороги, разделяющие наделы, непосредственно связаны с воротами внутренней крепостной стены (Стржелецкий 1961: 30). Таким образом, и наделы, и укрепление на перешейке составляли единую пространственную и строительную структуру (Виноградов, Щеглов 1990: 317; Щеглов 1993: 11).

Уже неоднократно отмечалось, что среди материалов Гераклейского полуострова наиболее ранняя группа связана с Маячным полуостровом (Стржелецкий 1961; Щеглов 1986: 160; 1981: 213). Анализ всей совокупности датированных находок с территории Гераклейского полуострова, включая и материалы Маячного, предпринятый недавно Е.Я.Туровским, однозначно подтверждает эти наблюдения (Туровский 1995). Этим автором отмечается, что многочисленные фрагменты чернолаковых сосудов (отдельные экземпляры датируются еще первой четвертью IV в. до н.э.) составляют специфику памятников Маячного полуострова. Обломки чернолаковых сосудов второй и третьей четвертей IV в. до н.э. составляют уже массовый керамический материал. На остальной территории Гераклейского полуострова лишь единичные фрагменты чернолаковых сосудов могут быть датированы временем не ранее середины IV в. до н.э.; основной массив обломков сосудов этой категории датируется не раньше последней четверти IV в. до н.э. — первой трети III в. до н.э. (Туровский 1995).

Абсолютно адекватно эта картина отражена и в других категориях датированных находок. Так, гераклейские клейма 2 и 3 групп, синопские клейма 1 и 2 групп, фасосские 1 группы встре-

чены только на усадьбах Маячного полуострова, в то время как на остальной территории Гераклейского полуострова ни одного амфорного синопского клейма на ручках 1 и 2 групп не известно, фасосские клейма встречаются только 3 и 4 групп. И это при том, что усадьбы Гераклейского полуостров изучены намного лучше. Целый ряд типов ранних амфор — хиосские колпачковые, гераклейские, синопские, фасосские биконические, херсонесские типа 1-А-1 — не встречаются на усадьбах остальной территории Гераклейского полуострова, а известны только с территории Маячного.

Все это надежно обосновывает дату проведения работ по строительству укрепления на перешейке и размежевке наделов на Маячном полуострове — вторая четверть IV в. до н.э., возможно даже говорить о начале второй четверти IV в. до н.э. (Виноградов, Щеглов 1990: 317). Сравнительный анализ материала приводит к выводу, что усадьбы на Маячном полуострове возникают на 40-50 лет раньше, чем усадьбы на остальной территории Гераклейского полуострова (Туровский 1995: 80).

Место укрепления на перешейке Маячного полуострова довольно точно указано Страбом (Strabo., VII,4,2), который называет его Старым Херсонесом, причём из контекста однозначно следует, что речь идёт именно о городе, древнем городе. Название, сохранившееся в пассаже географа, прочно вошло в археологическую литературу — Старый, или Страбонов Херсонес.

Если географические сведения относительно укрепления на перешейке Маячного полуострова довольно точны и ясно его название, то все, что касается назначения поселения, его статуса, оставляет простор для самых разных предположений.

Исходя из того, что двойная линия крепостных стен защищала наделы, расположенные на Маячном полуострове, укрепление рассматривается как убежище для владельцев клеров на случай опасности (Сапрыкин 1986: 63; Жеребцов 1985). Одной из безымянных малых крепостей Херсонеса, упомянутых в херсонесской присяге (teich), считал Страбонов Херсонес Э.Р.Штерн (Штерн 1908: 40), против чего резонно и аргументированно возражал А.Л.Бертье-Делагард (Бертье-Делагард 1907: 190). После работ 1910-1911 гг. Н.М.Печенкин пришел к заключению, что Страбонов Херсонес — это военно-сельскохозяйственное поселение херсонесцев (Печенкин 1911: Л.15). Эту точку зрения в последнее время развивает А.Н.Щеглов (Щеглов 1986: 158; 1984.: 54-55). Страбонов Херсонес предлагается трактовать как первое военно-хозяйственное поселение херсонесцев, форпост, выдвинутый на западную оконечность Гераклейского полуострова с целью приобретения стратегической позиции для захвата всего Гераклейского полуострова, что, по мнению авто-

ра, и произошло около середины IV в. до н.э. (Виноградов, Щеглов 1990: 318, 320 и сл.). Что касается даты захвата полуострова, то, как мы видели выше, она не находит опоры в массовом керамическом материале. Напомним еще раз, что укрепление на перешейке Маячного полуострова — не просто безымянная крепостца, а совершенно определенно город, называемый Страбоном Херсонесом, хоть и лежащий в развалинах, а потому нет необходимости ставить его в один ряд с безымянными укреплениями. Ни с одним из них, хорошо известных в Северо-Западном Крыму и отождествляемых с *teich* херсонесской присяги,² у этого укрепления нет признаков типологического сходства. Это единственное, уникальное укрепление, выпадающее из ряда стандартизованных укрепленных поселений херсонесской хоры.

Теперь о стратегической позиции. Как на планах, так и на местности хорошо видно, что основное назначение укрепления на перешейке — это не только защита Маячного полуострова, но главным образом, того пространства, которое заключено между оборонительными стенами (Гайдукевич 1949а.: 142 и сл.). Трудно назвать стратегически выгодной для контроля за всем Гераклейским полуостровом позицию, если она располагается в самом западном, наиболее удаленном углу Гераклейского полуострова, откуда невозможно ни контролировать потенциального неприятеля, ни воспрепятствовать его передвижениям по изрезанному глубокими балками плоскогорью. Совсем не случайно, видимо, при сплошной размежевке Гераклейского полуострова в последней четверти IV в. до н.э. был избран совершенно иной способ защиты территории — строительство укрепленных усадеб, а не выделение форпостов.

Нельзя не присоединиться к замечанию А.Н.Щеглова и Ю.Г.Виноградова по поводу существующих точек зрения на характер и назначение укрепления на Маячном полуострове: ни одна из них «не в состоянии сколько-нибудь удовлетворительно объяснить ни необходимости организации специально защищенной хоры Херсонеса на значительном удалении от города, ни смысла строительства мощного укрепления в глубине (! — Е.Р.) Гераклейского полуострова» (Виноградов, Щеглов 1990: 317).

Действительно, устройство хоры города на таком от него удалении — случай в античной практике беспрецедентный. Если даже исходить из соображения о стремлении надежно защитить укреплением поля граждан от враждебных варваров (Щеглов 1986: 158), то наиболее уязвимым и беззащитным остается основной путь доставки продовольствия в город — девятики-

лометровая ничем не защищенная дорога из Страбонова Херсонеса в Херсонес. Несомненно, что для того, чтобы пойти на выделение горожанам участков земли на таком удалении от города, нужны были совершенно необычные, веские и серьезные причины. Между тем, даже такая важная причина, как боязнь соседних варваров, и та, как мы видели, критики не выдерживает.

Имеется и целый ряд других обстоятельств и противоречий.

Прежде всего, отметим достаточно продолжительный, а в рамках насыщенного событиями IV в. до н.э. и просто большой хронологический разрыв между возникновением наделов, укрепления на Маячном полуострове и началом размежевки и строительством усадеб на Гераклейском полуострове. Эти события отделены друг от друга почти половиной столетия. Уже само по себе это не позволяет их ставить в зависимость одно от другого, тем более рассматривать как последовательные элементы некоего грандиозного плана по захвату Гераклейского полуострова (ср.: Виноградов, Щеглов 1990: 320).

Заслуживает внимательного рассмотрения и сама возможность строительства херсонеситами укрепления на Маячном полуострове. Выше уже приводилось заключение А.Л.Бертье-Делагард о древности кладок Маячного укрепления, не имеющих аналогов в самом Херсонесе. И хотя подобные кладки в городе как будто имеются (Щеглов 1970: 173 и сл.), вопрос о наличии в Херсонесе оборонительных стен однозначно не решается. Отдельные фрагменты кладок, интерпретированные как остатки древнейшей оборонительной стены города, не только не указывают на единую оборонительную систему, но и не имеют твердых хронологических привязок. Таким образом, вопрос о наличии в начале IV в. до н.э. монументальных оборонительных сооружений в Херсонесе остается открытым.

Если и далее продолжить этот ряд сопоставлений, то следует обратить внимание на площади, занимаемые Херсонесом и Маячным укреплением. Площадь Страбонова Херсонеса, т.е. то, что было заключено между двумя оборонительными стенами, составляла не менее 18 га (Щеглов 1984: 54). Даже учитывая, что не все пространство было занято жилой застройкой, то и в этом случае площадь укрепления на Маячном полуострове вполне сопоставима с размерами самого Херсонеса первой половины IV в. до н.э.

Непросто понять, каким образом крошечный даже по меркам того времени полис, с явно ограниченными людскими ресурсами, мало заботясь о безопасности и благополучии собственного поселения, решился на возведение монументального укрепленного поселения городского типа на значительном от города расстоянии.

² Если исходить из трактовки этого термина, предложенной А.Н.Щегловым, то Страбонов Херсонес наряду с Калос Лименом, Керкинитидой и Херсонесом мог обозначаться этим термином (Щеглов 1978: 75-77).

Уже обращалось внимание (Щеглов 1975: 135; 1986: 157), что месторасположение Страбонова Херсонеса с редкой последовательностью сочетает в себе все необходимые требования к географической ситуации при выборе места для основания новой колонии: полуостровное положение, узкий перешеек, который удобно перегородить стеной, гавань и наличие плодородных земель. Что касается последнего условия, то заметим: именно Маячный полуостров отличается наиболее плодородными землями по сравнению со всем Гераклеиским плато (Бабенчиков 1941).

Вряд ли можно что-либо существенное возразить против того, что все признаки поселения городского типа у Страбонова Херсонеса выражены достаточно отчетливо. Надо полагать, что именно это обстоятельство и заставляло исследователей, начиная с К.К.Косцюшко-Валюжинича, считать развалины на перешейке Маячного полуострова остатками города (Косцюшко-Валюжинич 1891: 61; Бертье-Делагард 1907: 177-201; Стржелецкий 1959: 71; Щеглов 1975: 137). Любопытно, но только такая трактовка этого поселения наилучшим образом объясняет многочисленные противоречия. Быть может, настало время вернуться к идее А.Л.Бертье-Делагарда об основании Херсонеса первоначально на перешейке Маячного полуострова (Бертье-Делагард 1886: 269-270; 1907: 180 сл.) и переносе его через несколько десятилетий на хорошо обжитое, как это теперь известно, место на берегу Карантинной бухты (Бертье-Делагард 1907: 200).³

Все еще актуальным остается и наблюдение о том, что в полном смысле Херсонесом, т.е. полуостровом, является именно Маячный полуостров, в то время как город на берегу Карантинной бухты располагается отнюдь не на полуострове (Бертье-Делагард 1907: 190).

Между тем, как бы мы ни рассматривали возникновение Херсонеса в Юго-Западной Таврике — сразу у Карантинной бухты или сначала на перешейке Маячного полуострова, — ясно, что не это определяет специфику колониационного процесса района. Согласно дорийской модели колонизации, особенность ее лежит в области отношений с местными жителями: как и каким путем проходило внедрение и утверждение новых поселенцев. Существуют ли какие-либо данные на этот счет?

Еще до начала обустройства хоры города на Гераклеиском полуострове, по гребню Сапунгоры, а также в Инкерманской и Балаклавской

долинах возникает целая сеть варварских поселений, как бы окаймлявших Гераклеиский полуостров со стороны гор (Савеля 1974: 238; 1975: 100-102). Судя по импортной керамике, этот процесс начинается не ранее второй четверти IV в. до н.э. (Савеля 1979: 172-179). Вполне естественным было связать этот процесс появления варварских поселений по кромке Гераклеиского полуострова с какими-то мероприятиями херсонеситов по вытеснению варварского населения с самого Гераклеиского полуострова (Савеля 1975: 101; Щеглов 1981: 215; 1986: 162).

Действительно, на Гераклеиском полуострове зафиксировано более десятка поселений кизил-кобинской культуры (Стржелецкий 1959: 66; Савеля 1979: 171; Щеглов 1981: 213), два из них существовали непосредственно на Маячном полуострове. Однако до сих пор неясно время прекращения жизни этих поселений, поскольку надежно датированных греческой керамикой комплексов на них не встречено (Савеля 1979: 171). Остается в силе дилемма, намеченная в свое время О.Я.Савелей: либо поселения исчезают в результате прямого давления общины херсонеситов, либо варварское население Гераклеиского полуострова резко сократилось незадолго до основания дорийского Херсонеса (Савеля 1979: 171-172). В последнем случае это совпадает с прекращением существования в V в. до н.э. большинства поселений горного и предгорного Крыма и угасанием традиции хоронить умерших в каменных «мегалитах» (Крис 1981: 56; 1989: 29 и сл.). И хотя веских аргументов в пользу той или иной альтернативы не высказано, обратить внимание на два косвенных замечания все же следует.

Сравнение лепной керамики кизил-кобинских поселений и керамики варварских поселений, возникших в IV в. до н.э. по гребню Сапунгоры, склонам Байдарской и Инкерманской долин, демонстрирует известную степень различия, а именно: в составе керамического комплекса поселений периферии Гераклеиского полуострова, в Байдарской и Инкерманской долинах заметную долю наряду с керамикой, близкой к кизил-кобинской, составляет керамика степных типов, т.е. скифская. Это означает, что население поселков было смешанным, гетерогенным (Савеля 1979: 173), в отличие от того, которое проживало на Гераклеиском полуострове в более раннее время. Появление поселений со смешанной скифо-кизил-кобинской керамикой фиксируется в IV в. до н.э. не только по кромке Гераклеиского полуострова, они открыты и на северной стороне Севастопольской бухты, а также вплоть до низовьев реки Бельбек (Савеля 1975: 101). Подобные поселения появляются в это время и по склонам внешней гряды Крымских гор (Храпунов, Власов 1994: 251 и сл; 1995), в Восточном Крыму в районе Феодосии (Кругликова 1975: 72-73). Таким об-

³ О переносе города говорит и Бертье-Делагард, относя это событие к 115-110 гг. до н.э.: Бертье-Делагард 1907: 200. Однако, если такое событие и имело место, то скорее всего, его следует относить ко времени вскоре после середины IV в. до н.э. Многочисленные примеры переноса вновь основанных колоний были приведены недавно Вонсович (Вонсович 1994. С.28-30).

разом, появление варварских поселений можно рассматривать и со стороны процессов, протекавших в среде туземных племен горного и предгорного Крыма, вне связи с деятельностью конкретного греческого полиса.

Между тем факт нахождения туземных поселений на границах Гераклеяского полуострова все чаще становится археологической иллюстрацией агрессивной политики дорийских колонистов в Юго-Западном Крыму (Щеглов 1986; Виноградов, Щеглов 1990; Сапрыкин 1986). Более того, население этих поселков считается эллинизированным зависимым или полузависимым, составлявшим часть структуры аграрной территории Херсонеса (Савеля 1975: 102; Виноградов, Щеглов 1990: 319-320; Сапрыкин 1986: 106). Как же обосновывается столь важное заключение?

Первооткрыватель и исследователь этих поселений О.Я.Савеля, первым сформулировавший тезис о зависимом характере поселений, аргументировал его так: «...размещение поселений свидетельствует об элементе принудительности в выборе мест для них, хотя некоторые экологические принципы расположения указанных поселений и соответствуют принципам выбора местоположения для кизил-кобинских и позднескифских поселений в Юго-Западном Крыму» (Савеля 1975: 101; 1979: 172). Между тем совсем не очевидно, что при отсутствии какой-либо зависимости местоположение этих поселений было бы иным. Сомнения в доказательности аргумента явно не напрасны.

Подкрепление высказанного предположения находят в факте существования в Балаклавской долине типичных для хоры Херсонеса укрепленных сооружений. Однако господствующее над долиной положение этих укреплений может быть истолковано и как охрана этими укреплениями границ хоры города от возможных варварских вторжений. Наконец, еще один аргумент, который приводится для обоснования зависимости варваров, проживавших по кромке Гераклеяского полуострова (Щеглов 1986: 163). Речь идет о заслугах Диофанта перед Херсонесом (IPE, I,352), в числе которых, согласно переводу В.В.Латышева, было подчинение окрестных тавров. Д.Пиппиди предложил исправление, меняющее смысл текста: Диофантом были возвращены Херсонесу тавры-паройки (Pippidi 1959: 91, 93). Это небольшое исправление оказывается весьма важным, поскольку в случае его принятия оно прямо указывает на наличие у херсонеситов зависимого населения. Не вдаваясь в тонкости перевода, заметим, что все варварские поселения, о которых шла речь выше и с которыми связываются зависимые тавры-паройки, гибнут еще в конце первой трети III в. до н.э. одновременно с запустением Гераклеяского полуострова и более уже не восстанавливаются. Даже если считать, что в декрете в честь Диофанта и упоминаются тавры-

паройки, то, надо полагать, совсем не те, что жили на поселениях по кромке Гераклеяского полуострова столетием раньше, поскольку ко времени Диофанта их давно не существовало.

Таким образом, вряд ли можно сомневаться в декларативном характере утверждения о зависимости окрестных варваров от херсонесской общины; по крайней мере, очевидно, что аргументы, в основу которых положены археологические материалы, не свидетельствуют однозначно о существовании такой зависимости. Наряду с этим не следует, по-видимому, отвергать саму принципиальную возможность развития отношений херсонеситов с окружающими варварами в этом направлении, но для ее обоснования нужно искать другие, более серьезные аргументы, имея в виду также и то, что складывание подобных отношений в Херсонесе могло иметь место только в весьма ограниченный временной промежуток: вторая половина IV — первая треть III вв. до н.э. — и что завершения этот процесс не мог получить, поскольку был прерван известными событиями в конце первой трети III в. до н.э.

Если имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют проследить отношения дорийских колонистов с местным населением, возможно ли в этом случае говорить об особой дорийской модели греческой колонизации Юго-Западного Крыма? Думается, что да, и материалов, на которые, утверждая это, можно опереться, все-таки достаточно. Сопоставление систем организации сельских территорий городов Боспора, Ольвии и Херсонеса не оставляет сомнений в резком своеобразии последнего. Своеобразие обустройства ближней хоры Херсонеса выражается в строгой сетке примерно равных по своей площади наделов, отделенных друг от друга магистральными дорогами, проложенными под прямым углом через всю площадь размежевки, в единстве строительных приемов и методов, а также в высокой степени стандартизации. Все эти признаки прослеживаются не только на ближней хоре на Гераклеяском полуострове, но и в самом городе, распланированном в соответствии с принципами Гипподамовой системы.

Все основные компоненты системы организации ближней хоры города были применены с поправкой на своеобразие района и в процессе обустройства сельской территории в Северо-Западном Крыму. Именно в обустройстве, в строго регламентированной организации собственного местообитания, собственного жизненного пространства и проявляются своеобразные отличительные черты дорийской модели колонизации, именно это отличает единственный в Северном Причерноморье дорийский полис Херсонес от всех остальных греческих апоекий этого региона.

Что же касается способов внедрения дорийцев на новые территории и тем более отноше-

ний зависимости местных племен от греческих общин, в данном случае от общины херсонеситов, то средствами археологии эти вопросы, относящиеся к сфере социальных отношений, решить чрезвычайно трудно и едва ли вообще возможно.

Коснувшись отношений греков-колонистов с племенами Юго-Западного Крыма, мы, по существу, уже начали тему о греко-варварских взаимодействиях в этом районе. Этим вопросом посвящен следующий раздел нашего исследования.

Проблему взаимодействия херсонеситов с варварами Юго-Западного Крыма, а с образованием Херсонесского государства — и всего Крымского полуострова, нельзя назвать новой. Давно и устойчиво она привлекает внимание исследователей Херсонеса. Эпиграфические документы, найденные в процессе раскопок города, подкрепляемые сведениями античной литературной традиции, рисуют сложную картину отношений Херсонеса и местных варваров уже после образования Малой Скифии в Крыму — эти сведения относятся к III-I вв. до н.э. Что же касается более раннего времени, то здесь единственными реальными показателями отношений и связей жителей города и его варварского окружения, в отсутствие эпиграфические и литературных источников, остаются только данные археологии.

Речь прежде всего должна идти о находках импортных вещей на варварских поселениях Юго-Западного Крыма, которые, скорее всего, в силу географической близости, могли попасть туда через Херсонес, и, наоборот, анализ варварских вещей, найденных на территории Херсонесского городища, а также традиций, которые не могут быть объяснены, интерпретированы в рамках греческого культурного поля.

Мнимая простота задачи осложняется полным или почти полным отсутствием импортных античных вещей, по крайней мере, до начала IV в. до н.э. в горном Крыму, что уже отмечалось ранее.

Обломки импортных сосудов VI-V вв. до н.э. в Юго-Западном Крыму единичны (Щеглов 1981: 211), можно предположить, что они отражают какие-то эпизодические вялые контакты жителей раннего поселения на месте будущего Херсонеса с туземными племенами. Примечательно, что и на поселениях, и в могильниках горного и предгорного Крыма ранний античный импорт полностью отсутствует. Картина постепенно меняется только в IV в. до н.э.⁴

Судя по клеймам и обломкам амфор, уже в первой половине столетия в горный Крым начинает поступать в небольших количествах вино. Объем его поставок не идет ни в какое сравнение с теми объемами, какие направлялись в Скифию, однако центры-экспортеры представлены здесь все те же: Гераклея, Хиос, Фасос,

Менде, Синопа, а после середины IV в. до н.э. и Херсонес. Иные категории импорта античной посуды встречаются значительно реже и только после середины IV в. до н.э. Этим, пожалуй, и ограничивается весь скудный репертуар импортных изделий, встречающихся на ближней к Херсонесу территории, заселенной варварами. Складывается впечатление, что последние медленнее и с большим трудом втягивались в орбиту греко-варварских взаимоотношений.

Однако, как уже указывалось, у этой проблемы есть и вторая сторона — находки варварского облика на площади самого Херсонесского городища. К сожалению, с давних пор, точнее, начиная с 30-х годов, анализ материальных находок такого рода постоянно подменялся бесплодными попытками этнической атрибуции этих находок.

Находки лепной керамики и каменных орудий в большом количестве, как отмечал Г.Д.Белов, встречаются «в самой нижней части культурного слоя, лежавшего непосредственно на материковой скале» при раскопках 1935-1936 гг. на севере Херсонесского городища (Белов 1948: 32). Это обстоятельство, а также интерпретация скорченных захоронений северного участка некрополя как принадлежавших таврам легли в основу утверждения о том, что Херсонес был основан на месте существовавшего до него таврского поселения, точнее, что «основание Херсонеса греками было по существу присоединением их к уже существовавшему туземному поселению» (Белов 1948: 33).

Этим утверждением Херсонес вводился в круг северопричерноморских полисов, основанных на местах туземных поселений в строгом соответствии с эмпориальной теорией, сформулированной В.Д.Блаватским (Блаватский 1954: 7 и сл.).

Последующая ревизия лепной керамики из раскопок Херсонеса показала, что, во-первых, количество ее, вопреки утверждениям, весьма невелико, и, во-вторых, что она датируется временем не ранее основания Херсонеса (Савеля 1970).

Заметим, что в этих работах речь шла о лощеной керамике с гребенчатым орнаментом второго позднего типа, выделенного О.Д.Дашевской (Дашевская 1963: 205 и сл.), которая безусловно связывается с культурой племен горного Крыма. Более ранней кизил-кобинской керамики с резным орнаментом в Херсонесе известно не было.

Лишь сравнительно недавно в процессе исследования северо-восточной части Херсонесского городища при разборке культурного

⁴ Сенаторов С.Н. Каталог таврских памятников IV-III вв. до н.э. и греческого керамического импорта VI-II вв. до н.э. в горном и предгорном Крыму. (Рукопись хранится у автора). С.Н.Сенаторов любезно ознакомил меня со своей работой, за что выражаю ему искреннюю признательность.

слоя конца VI — первой половины V вв. до н.э. были найдены обломки лепных чернолощенных кубков, украшенных орнаментом первого типа (Сенаторов 1988: 100), который известен на лепной посуде VI в. до н.э. из других греческих городов (Кастанаян 1981: 12-19; Марченко 1988а: 87-88). Довольно высокий процент лепной керамики — около 11,7% от общего числа находок — позволил поставить вопрос о наличии местных этнических элементов в составе населения древнейшего греческого поселения на берегу Карантинной бухты (Виноградов, Золотарев 1990: 56). Как бы там ни было, но, несомненно, что в это раннее время община эллинов на берегу Карантинной бухты так же, как и большая часть других северопричерноморских эллинских общин, не была закрытой по отношению к местному варварскому населению.

Известно, что памятники степных скифов фиксируются в междуречье Альмы и Качи еще в конце VI-V вв. до н.э. (Ольховский 1982: 76). Однако обломки посуды степных типов появляются в Херсонесе только в первой половине IV в. до н.э. Редко, но все же встречаются обломки подобной посуды и в более позднее время при раскопках самого Херсонесского городища, а также в редких случаях они входили в состав погребального инвентаря.⁵ Однако в целом количество обломков как сосудов чернолощенных с гребенчатым орнаментом, так и посуды степного скифского облика чрезвычайно мало по отношению ко всем остальным категориям керамических сосудов. Подчеркнем особо, что в IV в. до н.э. лепная посуда представлена не только чернолощенными сосудами, но и образцами посуды скифского облика, точно так же, как и на варварских поселениях, вблизи Херсонеса.

Теоретически можно допускать, что варварский компонент был выше на Гераклеийском полуострове, где варвары могли быть заняты обработкой наделов граждан и где в керамическом комплексе это должно было найти более четкое отражение. Однако и здесь керамический комплекс оказывается адекватным городскому. Судя по данным раскопок, особенно широко проводившихся в последние годы, лепная керамика составляет вместе с кухонной всего около 4%,⁶ а в действительности, учитывая, что она считалась вместе с кухонной, процент ее еще ниже. Для сопоставления приведем данные по керамическому комплексу зданий У7 на хоре Херсонеса в Северо-Западном Крыму этого же времени. Здесь лепная керамика в керамическом комплексе составляет от 40 до 52%,

⁵ Нам известны только 2 могилы, в состав погребального инвентаря которых входили лепные сосуды — 2348 и 7/1936, оба сосуда скифского степного типа.

⁶ Данные взяты из отчетов Гераклеийской экспедиции Херсонесского заповедника, хранящихся в архиве ИИМК РАН.

на сельских поселениях хоры Ольвии — от 20 до 40% без учета амфор.⁷

Если же сравнивать долю лепной керамики в керамическом комплексе Херсонеса, Ольвии и Березани (в двух последних она составляет от 4 до 14% без учета амфор), то становится совершенно ясно, что как в Херсонесе, так и на его ближайшей округе доля лепной керамики была столь невелика, что вряд ли может рассматриваться как серьезное свидетельство наличия в составе населения города сколько-нибудь существенного варварского компонента.

Наше заключение резко контрастирует со все еще бытующими представлениями о присутствии в среде городского населения достаточно представительной прослойки варварского населения. В значительной степени эти представления опираются на материалы северного участка Херсонесского некрополя. Как отмечалось выше, Г.Д.Белов — автор раскопок этого участка — относил скорченные захоронения, открытые здесь, к погребениям тавров, а вытянутые — к погребениям греков и считал, что «местное население ... пользовалось в начальную пору существования города равноправным положением», поскольку оба вида погребений находились на одном кладбище (Белов 1938: 192; 1981: 178).

На первый взгляд, вывод абсолютно логичен и единственно возможен, если исходить из указанных посылок, поскольку никаких данных для иной интерпретации различного положения костяков (скажем, об имущественном или социальном неравенстве) материалы некрополя не дают.

Варварским, но, в отличие от Г.Д.Белова, не таврскими, а скифскими предлагала считать скорченные костяки С.И.Капошина (Капошина 1941: 172). Однако с нею не согласился автор раскопок некрополя (Белов 1948: 32. Прим.1), а вместе с ним и большинство исследователей (Тюменев 1949; Пяташева 1949; Шульц 1959), которые вслед за Г.Д.Беловым считали скорченные погребения северного участка Херсонесского некрополя таврскими. С.Ф.Стржелецкий, проводивший работы на некрополе в 1945 г., пришел к заключению, что весь этот участок является таврским (Стржелецкий 1948: 95).

В противоположность этой точке зрения получила распространение и иная, впервые высказанная В.В.Лапиным (Лапин 1966: 212 и сл.) и поддержанная В.И.Кадеевым (Кадеев 1973: 108 и сл.; 1995), который выступил с критикой таврской принадлежности скорченных погребений. Они попытались интерпретировать эту группу захоронений как захоронения греков, что нашло поддержку со стороны некоторых ученых (Козуб 1974: 21; Сапрыкин 1986: 65).

⁷ Данные взяты из отчетов Тарханкутской и Нижнебугской экспедиций ИИМК РАН, хранящихся в архиве ИИМК РАН.

Попытку перенести решение проблемы в социальную плоскость предпринял В.Д.Блаватский, который считал скорченные захоронения погребениями рабов, правда, тавров (Блаватский 1953: 163). Близкую позицию в последние годы занимает В.М.Зубарь. Судя по всему, придя к выводу о невозможности однозначной атрибуции захоронений северного участка некрополя, этот исследователь считает, что скорченность после смерти является показателем зависимости человека при жизни и склоняется к мысли, что погребенные в таком положении были домашними рабами и хоронились вместе со своими хозяевами (Зубарь 1988: 52-54).

Не останавливаясь подробно на критическом разборе всех изложенных выше позиций, трудно все же удержаться от одного замечания по поводу последней. Если принять эту трактовку, то окажется, что во всем Северном Причерноморье домашние рабы были исключительно в Херсонесе. А поскольку, по заключению автора, скорченные захоронения рабов сопровождают вытянутые захоронения хозяев, то, надо полагать, наличие в доме домашних рабов автоматически должно было определять место захоронения их хозяев, и именно на северном городском кладбище.

Подводя итог краткой истории исследования вопроса о скорченных захоронениях северного участка Херсонесского некрополя, необходимо констатировать следующее: решение его с самого начала получило совершенно неоправданный крен в сторону выяснения этноса погребенных. Споры об этносе погребенных как в вытянутом, так и в скорченном положении все больше приобретают схоластический характер, напоминая спор Остапа Бендера с ксендзами в известном романе И.Ильфа и Е.Петрова, что со всей очевидностью свидетельствует о том, что в такой постановке вопроса и в рамках тех знаний, которыми мы располагаем, проблема решения не имеет.

Наше заключение основывается также и на том, что все высказанные по этой проблеме точки зрения опираются на одну и ту же сумму фактов, причем без детальной и глубокой их проработки.

Чтобы приблизиться к пониманию характера северного участка некрополя Херсонеса в создавшейся ситуации, необходимо прежде всего вернуться к анализу самого исходного материала — погребений и сопровождающего их инвентаря, сопоставить его со всеми участками городского некрополя этого времени, устраняя при этом наметившуюся тенденцию, отмеченную А.А.Зедгенидзе и О.Я.Савелей, о формировании представлений обо всем городском некрополе на материалах лишь одного из участков (Зедгенидзе, Савеля 1981: 191).

Как известно, массовые захоронения на северном берегу Херсонесского городища были обнаружены Г.Д.Беловым в 1935-36 годах в про-

цессе исследования эллинистических и средневековых кварталов города. Отдельные находки, связанные с некрополем, а также и сами погребения попадались в этом районе и ранее (IOSPE, I², 463; Белов 1972).

Работы Г.Д.Белова и С.Ф.Стржелецкого в основном выявили границы участка с захоронениями: погребения располагались к западу от VIII поперечной улицы, наиболее высокая концентрация их отмечалась между VIII и X поперечными улицами. Наряду с этим отмечается, что далеко к ЮЗ погребения не распространяются (Белов, Стржелецкий 1953: 33).

В последней своей работе по северному участку Г.Д.Белов оперировал массивом из 160 погребений, найденных в этом районе (Белов 1981: 164), однако в публикациях и отчетах содержатся сведения лишь о 140 погребениях, которые обычно и привлекаются для характеристики участка; вероятно, какая-то часть могил, которые учитывались Г.Д.Беловым, остается недоступной.

В отличие от других участков Херсонесского некрополя, на северном берегу зафиксированы только простые грунтовые ямы для совершения погребений, очень редко борта ям облицовывались камнем. Ямы, как правило, впускались в насыпной культурный слой и иногда доводились до скалы, реже дно ям было заглублено в скалу. Поскольку большинство ям было впущено в культурный слой, размеры их проследить не удавалось, но, судя по нижним частям ям, заглубленных в скалу, они были обычных размеров. Важнее было бы проследить глубины ям, точнее, уровни, с которых они были впущены, что дало бы возможность стратифицировать погребения, но из-за сильной нарушенности свиты культурных напластований это было невозможно.

Умерших помещали в могилы без гробов, нередко на подсыпку из золы, угля или морской гальки. В двух могилах найдены гвозди, что привело к утверждению о наличии в могилах гробов (Белов 1981: 166; Зедгенидзе, Савеля 1981: 203); между тем это не единственно возможная интерпретация находок гвоздей в могилах, гвозди, скорее всего, были не от гробов, а от деревянных перекрытий. Наличие перекрытий над могилами подтверждается целым рядом наблюдений.⁸

Необычным, что, собственно, и привело к многочисленным дискуссиям, является на этом участке положение костяков в могилах. Наряду

⁸ В могилах 36/1936, 30/1937, 73/1936, 3/1945 и др. погребения были совершены на спине с коленями, поднятыми вверх. При захоронении в такой позе ноги после разложения связок падают либо в одну, либо в другую сторону, иногда — одна нога в одну сторону могилы, другая в другую. Однако возможно это только в том случае, если могила не засыпана землей, а имеет перекрытие.

с вытянутыми захоронениями в могилах довольно часто встречаются захоронения в скорченном положении, последние составляют, по подсчетам исследователей, около 40% (Белов 1938: 199; Зедгенидзе, Савеля 1981: 195).

Анализ отчетов и проверка описаний погребений по генеральному плану раскопок 1936 г., хранящемуся в ИИМК РАН, приводят к заключению, что в свое время Г.Д.Беловым, а вслед за ним и другими авторами в подсчеты необоснованно введена значительная группа погребений, положение костяков в которой не может быть истолковано однозначно. Это касается как скорченных, так и вытянутых погребений. Попытку определить некоторые погребения как предположительно скорченные или как «погребения с элементами скорченности» нельзя признать приемлемой. Совершенно не ясны и полностью субъективны основания для отнесения того или иного плохо сохранившегося погребения в определенный разряд, поскольку совершенно непонятно, чем же погребения с «элементами скорченности» отличаются от погребений с «элементами вытянутости». Для устранения путаницы все плохо сохранившиеся погребения должны быть отнесены к группе погребений с недостаточными данными и выведены из подсчетов. Результаты подсчетов показывают, что в процентном отношении скорченные погребения составляют только 23%, т.е. почти вдвое меньше, чем считалось ранее.

Г.Д.Беловым показано устойчивое преобладание ориентировки погребений восточного румба для всего северного участка. Этот вывод подтверждается полностью. Подтверждается и другой его вывод — о близости ориентировки скорченных и вытянутых захоронений: доля погребений, ориентированных в восточном направлении, среди первых составляет 72,5%, а среди вторых 84,2%. Полученная картина не должна заслонять небольших, но все же имеющих различий. Так, количество костяков, ориентированных **не** в восточном направлении, среди скорченных почти вдвое выше (27,1%), чем среди вытянутых захоронений (15,2%). Если не учитывать при этом детские амфорные захоронения, то соотношение получается еще более показательным — 27,1 : 9,9%, т.е. доля скорченных с не-восточной ориентировкой превышает долю соответствующих вытянутых почти втрое. Это различие выражено вполне определенно и свидетельствует, думается, о меньшей устойчивости ориентировки именно скорченных захоронений.

Уже неоднократно отмечалось, что городской некрополь Херсонеса в целом и северный его участок в частности заметно отличается от одновременных некрополей других городов Северного Причерноморья бедным, малочисленным и редко встречающимся инвентарем (Белов 1981: 171). Наблюдения показывают, что погребальный инвентарь на северном участке

некрополя имели только 22,2% захоронений; чаще сопровождалась инвентарем детские погребения (36,6%). Если не учитывать детские амфорные могилы, то только 24,6% вытянутых и 16,6% скорченных захоронений сопровождалась каким-либо погребальным инвентарем. Это означает, что вещи при погребениях встречаются редко как в одном, так и в другом случае, но все же вытянутые захоронения сопровождалась инвентарем несколько чаще.

Состав погребального инвентаря и его размещение в могилах подробно характеризовались в различных работах (Белов 1938; 1948; 1981; Зедгенидзе, Савеля 1981), поэтому нет необходимости останавливаться на этом специально, ограничимся лишь несколькими замечаниями.

Анализ погребального инвентаря показывает отсутствие серьезных различий как по количеству предметов, так и по их составу между погребениями, совершенными вытянуто, и погребениями скорченными. Всюду инвентарь одинаково беден. В отличие от других участков некрополя, на северном берегу в могилах совершенно отсутствуют лекифы и, хотя на других участках городского кладбища эти сосуды для масла встречаются тоже не столь уж часто, полное их отсутствие здесь вызывает удивление. Для сравнения напомним, что в некрополе, например, Пантикапея этого же времени было найдено более трех сотен лекифов. Отметим и еще одну деталь погребального инвентаря: в могилы на северном участке, как, впрочем, и во всем некрополе города, никогда не ставили амфор в качестве сопровождающего умерших инвентаря.

В первой публикации материалов некрополя Г.Д.Белов датировал северный участок концом V — первой половиной IV вв. до н.э. (Белов 1938: 194). Позднее, очевидно, под влиянием датировки С.Ф.Стржелецкого, предложившего для участка дату середина IV — начало III вв. до н.э. (Стржелецкий 1948: 93), он отодвинул верхнюю границу к концу IV в. до н.э. (Белов 1981: 177). Корректив, внесенный Г.Д.Беловым, как видим, не коснулся нижней границы, хотя основания для пересмотра датировки имелись и в то время. В принципе, датировка Г.Д.Белова является общепризнанной, хотя и никогда не подвергалась проверке.

Анализ погребального инвентаря позволяет утверждать, что северный участок содержит два пласта погребений — ранний и поздний, причем погребения раннего пласта датируются еще первой половиной — серединой V в. до н.э., т.е. временем, предшествующим принятой дате основания дорийского Херсонеса. Не может быть никаких сомнений о связи ранних погребений с поселением, существовавшим на берегу Карантинной бухты до 422/421 г. до н.э. (Монахов, Абросимов 1993: 140 и сл.).

Однако для нас сейчас гораздо важнее вто-

рой, поздний, пласт погребений, принадлежащий городу гераклеотов. Заметим сразу, что весь комплекс материалов из могил этого периода не выходит за пределы IV в. до н.э. При этом верхняя хронологическая граница надежно фиксируется жилой застройкой последней четверти-конца IV в. до н.э.: именно в это время на площади бывшего некрополя начинают возводиться жилые кварталы.

До сих пор не уделялось должного внимания стратиграфии этого участка. Как известно, северный некрополь располагался в обширной низине, заполненной мусорными напластованиями. Г.Д.Белов не оставил подробного описания стратиграфии участка, но все же отмечал, что мусорный слой лежит на слое желтой надскальной материковой глины (Белов 1938: 24, 164). С.Ф.Стржелецкий выделил здесь три слоя: 1. Желто-коричневая надскальная материковая глина; 2. Слой угля и пепла, смешанный с землей; 3. Собственно насыпь некрополя, состоящая из земли со значительным количеством черепков и камней (Стржелецкий 1948: 95 и сл.). Задача состоит в том, чтобы установить, с какого времени этот мусорный слой начал накапливаться. По своей структуре слой аморфный, содержит многочисленные перекопы и хронологически неоднородный материал от начала V в. до н.э. и до эпохи позднего средневековья. Таким образом, стратификации слой не поддается.

И все же, зная, что погребения на этом участке совершались еще в первой половине V в. до н.э., можно попытаться установить ту группу погребений, которая была впущена в грунт еще до того, как здесь стала образовываться мусорная свалка. Засыпь таких погребений не должна содержать мусорного слоя, т.е. они должны быть перекрыты слоем чистой глины.

Такие погребения были открыты в процессе раскопок и в 1936, и в 1937 годах. Г.Д.Белов в отчетах специально отметил, что ряд погребений был перекрыт чистой глиной со щебенкой без мусора (Белов 1938: 165). Всего таких погребений зафиксировано 11, в шести могилах вещей не содержалось, три могилы относятся к V в. до н.э.⁹ и, наконец, еще в двух могилах найдены вещи, датирующие эти могилы второй четвертью-серединой IV в. до н.э.¹⁰

Из этого можно сделать вывод, что мусорная свалка стала накапливаться здесь не ранее второй четверти IV в. до н.э. Даже в том случае, если свалка представляет собой результат единоразового сброса или нескольких крупных сбросов мусора, то и в этом случае полученная нами дата близка к действительности.

Наш вывод весьма важен потому, что все без исключения скорченные захоронения были впущены в мусорный слой и ни одно подобное захоронение не относится к раннему пласту по-

гребений. Это означает, что мы не только можем ограничить такие погребения узкими хронологическими рамками, но и утверждать, что сама традиция помещения в могилу умершего в скорченном положении появляется отнюдь не с самого начала существования города, т.е. с последней четверти V в. до н.э., много позднее — не ранее второй четверти IV в. до н.э., а быть может, и середины столетия.

Следовательно, эта традиция существует в городе не более 40-50 лет, или приблизительно на протяжении жизни двух поколений. Нет никаких сомнений в том, что, по-видимому, не позже рубежа IV-III вв. до н.э. эта традиция пресекается. Исчезновение традиции можно объяснить либо естественной убылью группы населения, которой она была принесена, либо тем, что эта группа населения во втором-третьем поколении ассимилируется, утрачивая при этом свои прежние погребальные традиции.

Судя по тому, что на протяжении по крайней мере двух поколений продолжает сохраняться традиция скорченных захоронений, можно думать, что появившаяся во второй четверти IV в. до н.э. новая группа населения некоторым образом обособляла себя от остальной массы жителей города, что выражалось прежде всего в своеобразии позы умерших. Можно даже допустить, что в какой-то мере она была замкнутой, быть может, даже корпоративной, но вместе с тем и не изолированной полностью, поскольку хоронила своих умерших вместе с остальными горожанами на одном из древнейших участков городского некрополя.

Думается, что нет никаких препятствий вслед за Г.Д.Беловым рассматривать как скорченные, так и вытянутые захоронения на этом участке как захоронения равноправных свободных граждан города.

Наряду с захоронениями на северном берегу продолжали функционировать и другие одновременные участки городского некрополя, расположенные по периметру границ города. Сопоставив материалы северного участка с материалами других участков городского кладбища, мы тем самым ответим на второй вопрос о своеобразии некрополя на северном берегу и своеобразии некрополя города в целом, а также на вопрос о том, в какой мере здесь представлены варварские материалы.

Наиболее близок к северному участку некрополь у монастырской оранжереи. Здесь в 1913 году был заложен Р.Х.Лепером небольшой треугольной формы раскоп между монастырским двором и оранжереей на монастырской усадьбе (ОАК 1913-1915: 60). Судя по суммарному описанию, было открыто несколько погребений, в том числе и 3 амфорных, которые находились за «стенами из прекрасно тесаных плит». Автором раскопок погребения отнесены к IV в. до н.э., вещи из раскопок оказались депаспортизованы, описания погребений отсутствуют. Может быть,

⁹ Могилы 1/1937; 12/1937; 15/1937.

¹⁰ Могилы 1/1936; 17/1937.

именно отсюда происходит ряд вещей IV в. до н.э. — солонки, ойнохоя, терракоты.

К сожалению, отсутствие подробной информации об этом интереснейшем участке не позволяет в должной мере выявить его особенности, между тем сам факт открытия могил в этом месте представляется чрезвычайно важным.

Далее к югу в районе городского театра, построенного в III в. до н.э., при исследовании северо-западной стороны его энфилеммы в слое, отнесенном ко времени, предшествующему строительству театра, была выявлена серия погребений, синхронных погребениям на северном берегу (Зедгендзе 1976: 28). Погребения располагались в древней балке, по склону которой со стороны города открыта оборонительная стена (Домбровский 1957). Здесь же в балке была открыта мусорная свалка, состоящая, в основном, из керамического боя. Таким образом, как свалка, так и некрополь находились за пределами городской оборонительной стены.

Всего открыто восемь погребений, все они совершены в простых грунтовых ямах с бутовой обкладкой стен, некоторые могилы перекрыты выкладками из камня, что естественным образом предполагает наличие под выкладками деревянного перекрытия. Погребения одиночные, за исключением одного скорченного, вытянутые на спине. Превалирует ориентировка восточного румба. Инвентарь в могилах, как и на северном участке, очень скромный: гуттусы, бусы, монеты, обломок светильника. Судя по инвентарю, участок датируется третьей четвертью IV в. до н.э.

Надо заметить, что этот и северный участки весьма близки, они имеют больше черт сходства, чем различия.

Отсюда, из района будущего театра, некрополь продолжался, скорее всего, в юго-восточном и южном направлении. Несмотря на то, что, по выражению К.К.Косцюшко-Валюжинича, город захватил и уничтожил некрополь этого времени, остатки его все же фиксируются в районе 15 куртины главной оборонительной стены города. Прежде всего, имеется в виду семейная усыпальница 1517-1522, открытая в 1903 году, функционировавшая с конца V или с начала IV в. до н.э., а также несколько погребений третьей четверти-второй половины IV в. до н.э. Среди них есть как грунтовые могилы, обложенные камнем, так и черепичные могилы. Из шести могил, относящихся к интересующему нас времени, в двух захоронения совершены по обряду кремации. Сопровождающий инвентарь небогат, в могилы клали монеты, иногда по чернолаковому сосуду. К числу семейных гробниц этого участка принадлежит и склеп 1012, встроенный в главную оборонительную стену, захоронения в склепе совершались со второй половины IV в. до н.э. до начала III в. до н.э., все погребения совершены по обряду кремации, как и в семейной могиле 1517-1522. Вполне вероятно,

что этот район городского кладбища, расположенный вблизи главных городских ворот, был участком, где погребались лица самого высокого социального ранга — городская элита.

Погребения IV в. до н.э. имеются и на восточном участке некрополя, вытянутом вдоль Карантинной бухты от башни Зенона. Для захоронений эта местность стала использоваться с самого начала IV в. до н.э., если не с конца предыдущего столетия, но столь ранние погребения здесь редки. По тем или иным основаниям к IV в. до н.э. на восточном участке можно отнести около 70 погребений, чуть больше 20 из них синхронны второму пласту погребений северного некрополя, поскольку могут быть датированы серединой-третьей четвертью IV в. до н.э.

Подавляющее число захоронений совершенно в простых грунтовых ямах, вытянуто на спине. Данные об ориентировке сохранились всего для восьми погребений, поэтому судить по столь незначительной выборке об этой детали погребального обряда крайне сложно, отметим лишь, что единообразия в ориентировке у этих погребений нет.

Нормой обряда было помещать в могилу одного умершего, однако иногда в могилы подхоранивали детей¹¹ или умерших позже взрослых членов семьи,¹² но такие случаи, надо признаться, редки.

Что касается погребального инвентаря, то и на этом участке он чрезвычайно малочислен и весьма скромен. Обычно он ограничивается одним, двумя или тремя очень простыми и, надо полагать, очень дешевыми предметами, из которых наиболее часто встречаются простые или чернолаковые тарелки, килики или канфары, лекифы, из украшений — бусы, серьги, перстни, очень редко — лепные сосуды.

На первый взгляд может показаться, что различия между участками Херсонесского некрополя проявляются главным образом в погребальном инвентаре. Действительно, большая часть могил северного участка, как мы помним, погребального инвентаря не содержала, в то время как могилы на других участках, с которыми мы сравниваем северный, все же, хоть и очень скромный погребальный инвентарь, но содержат. Из этого вполне резонно может последовать вывод о более низком имущественном и, вероятно, социальном уровне погребенных на северном берегу. На самом деле все обстоит значительно сложнее. Как на южном участке, так и на восточном у Карантинной бухты в выборку включались только те могилы, которые содержали хоть какие-то вещи, по которым можно было бы установить дату погребения. Таким образом и получилась выборка из могил, в которой безынвентарных погребений нет. Однако на обоих участках таких погребений открыто

¹¹ Могила № 1357.

¹² Могила № 1046, 1943.

очень много, но, поскольку захоронения в этих участках совершались и во все последующие эпохи жизни города, отнести эти безынвентарные погребения к какому-то определенному времени возможности нет. Весьма вероятно, что часть этих могил, и можно предполагать, немалая, относится и к рассматриваемому времени. Сказанное можно подтвердить одним, но убедительным примером — так могила 1045 у Карантинной бухты с монетой третьей четверти IV в. до н.э. перекрывала более раннее безынвентарное погребение 1046.

В связи с восточным участком некрополя у Карантинной бухты хотелось бы обратить внимание на одну компактную группу захоронений. Речь идет об 11 безынвентарных скорченных захоронениях, открытых в 1908 и 1909 годах вблизи башни Зенона. В.М.Зубарь, исходя из небольшой глубины могил, отнес их к римскому времени и связал их появление в некрополе города с сарматским влиянием (Зубарь 1982: 41). Нелишне напомнить, что в Херсонесе глубина могил — ненадежный хронологический показатель, поскольку, как правило, она зависит от близости скалы и мощности насыпного слоя. Глубина могил со скорченными костяками различна, но не превышает 1,1-1,2 м, между тем единственное точно датированное скорченное погребение, относящееся к римскому времени,¹³ открытое, кстати, к западу от башни Зенона отдельно от всей компактной группы, было впущено глубже всех. В позднеантичное и римское время скорченная поза костяков встречается исключительно редко и не может рассматриваться как характерная для этого времени, в противоположность времени раннего эллинизма. Созная, что вполне определенных однозначных указаний на принадлежность этой серии погребений к тому или иному времени нет, приведем косвенные аргументы в пользу раннеэллинистического времени.

Прежде всего, следует обратить внимание на то, что почти все погребения, за исключением одного, открытого в 1909 году, найдены в раскопочную компанию предыдущего года, это означает, что все они находились на одном небольшом участке вблизи 20-й куртины и башни Зенона. Далее вдоль Карантинной бухты за все годы раскопок таких погребений больше не встречалось.

Любопытно, что на раскопках 1908 и 1909 годов как раз и были найдены наиболее ранние на всем восточном участке некрополя захоронения. Характерную картину дает расположение могил с монетами середины-третьей четверти IV в. до н.э., а также детских захоронений в амфорах — наибольшее их количество открыто на раскопе 1908 года и на непосредственно примыкающем к нему раскопе 1905 года. Таким образом, складывается впечатление, что именно территория вблизи 20-й куртины и башни

Зенона является наиболее ранней на всем восточном некрополе. Не исключено, что появление здесь скорченных погребений следует связывать с прекращением функционирования северного участка Херсонесского некрополя в последней четверти IV в. до н.э. К сожалению, изложенные нами соображения не обладают необходимой доказательной силой, и настаивать на предложенной интерпретации веских оснований нет.

Как видим, резких различий между участками Херсонесского некрополя нет. Разумеется, каждый из районов городского кладбища обладает определенным набором своеобразных черт, однако при этом черты сходства создают настолько яркое своеобразие некрополя в целом, что на этом стоит остановиться специально.

К их числу без всяких натяжек относится грунтовый характер городского кладбища. За все годы раскопок здесь не было открыто ни одной курганной насыпи, и это, надо полагать, не случайное явление. Отсутствие в Херсонесе традиции хоронить умерших под курганной насыпью не может быть объяснено ни отсутствием для этой цели благоприятных природных условий, ни тем, что эта традиция на всем протяжении истории города оставалась херсонеситам неизвестной. По крайней мере один пример того, что сооружение курганов здесь было возможно, у нас есть. В 1872 году в 3-х верстах от Херсонеса у Стрелецкой бухты на земле полковника Шверина был раскопан курган высотой 4 сажени. Насыпь кургана состояла из камня, в основании насыпь окружала крепида, состоящая из тесаных известняковых блоков, уложенных в два ряда, верхний ряд сложен из рустованных блоков. В 1908 г. курган был доследован Н.М.Печенкиным. Под насыпью кургана обнаружена бронзовая урна с пеплом, обследовавший содержимое урны А.В.Орешников не сомневался в погребальном характере сосуда, поскольку на дне его им были обнаружены кальцинированные кости человека.¹⁴ По своему характеру, архитектуре, облику погребения, содержащегося в кургане, весь этот комплекс целиком находился в русле погребальных традиций причерноморских греков. Если мог быть сооружен Шверинский курган, следовательно, херсонеситы были близко знакомы с этой традицией, и следовательно, местные природные условия не были главным препятствием для их сооружения. Заметим попутно, что Шверинский курган был построен не вблизи города на городском кладбище, а в некотором от него удалении.

Нет сомнений в том, что невосприимчивость жителей города к влиянию не только варварского окружения, но и погребальной практики соседних эллинистических городов, где традиция захоронения в курганах получила устойчивое и повсеместное распространение, коренится в

¹³ Могила № 2816.

¹⁴ Письмо В.А.Орешникова Н.М.Печенкину от 8.II.1908. Архив ИИМК РАН. Ф.27. № 1. Л.4.

строгости погребальных норм, их консервативности, опиравшихся, скорее всего, на какие-то внутрисполитические представления, быть может, даже оформленные законодательно.

На протяжении всего рассматриваемого времени, да, пожалуй, и позднее представления жителей города в отношении сопровождающего умерших инвентаря почти не изменялись. Многие погребения были безынвентарными, там, где сопровождающий инвентарь имелся, он представлен немногочисленными простыми и дешевыми вещами. В числе предметов погребального инвентаря отсутствуют вещи, связанные с варварским окружением города. Исключение составляют две могилы, в которых было найдено по одному лепному сосуду «скифского» облика. В одной из могил (7/1936), кроме лепного сосуда, другого инвентаря не было, зато в могиле 2348, кроме лепного сосуда, были поставлены чернолаковое блюдо и гуттус. К числу исключений можно, пожалуй, отнести небольшую бронзовую бляшку с изображением крылатой богини с растительными побегими вместо ног, найденную в каменном разграбленном гробу.¹⁵ Сюжет находит многочисленные параллели среди скифских степных памятников. К числу подобных изображений относится и золотой медальон с изображением скифа и грифона, найденный в некрополе в 1907 году (Пятышева 1956: 14. № 13). Однако особого внимания заслуживают вещи подстенного склепа 1012. Судя по всему, это погребальное сооружение принадлежало семье, занимавшей в городе особое социальное положение, поскольку оно единственное было сооружено в городской стене рядом с главным въездом в город. Выдающимся на фоне большинства херсонесских могил оно оказывается и по богатству содержащихся в нем вещей. Как это ни странно, но именно здесь, в этом богатом подстенном склепе мы встречаемся с вещами, аналогии которым легко найти среди вещей из скифских царских захоронений и захоронений боспорской знати. К их числу прежде всего относятся пара золотых витых серег, оканчивающихся львиной мордой, очень близких серьгам из Куль-Обы, бараньи головки, аналогичные головкам из Гаймановой могилы, золотые нашивные бляшки с изображением цветка лотоса, мужской бородатой головы, крылатой змееной богини. Бляшки с изображением змееной богини чрезвычайно близки аналогичным из Куль-Обы, возможно, они даже изготовлены с одной матрицы (Manzewsich 1932: Taf. I, П).

Между тем сам склеп, все погребения в нем, совершенные по обряду кремации, а также сосуды для хранения праха, один из которых получен в качестве приза на празднике Анакий, не содержат ничего, что бы можно было связать с влиянием со стороны варваров. Учитывая уни-

кальный для всего Херсонесского некрополя характер комплекса, появление вещей, близких тем, которые встречаются в степных царских курганах и курганах боспорской знати, видимо, следует объяснять какими-то необычными, экстраординарными событиями. Скорее всего, они отражают какие-то семейные связи, быть может, обусловленные политической необходимостью. Однако, судя по датировке вещей комплекса, связи эти были весьма непродолжительными.

Возвращаясь к погребальному инвентарю могил Херсонесского некрополя, необходимо подчеркнуть, что они по своему составу, богатству, «качеству» резко отличаются от инвентаря захоронений в других городах Северного Причерноморья: как уже отмечалось, он необычно малочислен, скромен и даже беден. Вряд ли эту его особенность следует объяснять скромным достатком жителей города или их скупостью; ответ, скорее всего, надо искать в специфике погребальных традиций и погребальных норм, неукоснительно соблюдаемых гражданами полиса.

Как видим, ни лепная керамика, ни погребальные сооружения, ни погребальный обряд не позволяют сделать вывод о присутствии сколько-нибудь значительных групп варварского населения в городе, равно как и о наличии долговременных и устойчивых связей Херсонеса с варварским окружением.

Присутствие в Херсонесе значительных групп варваров обосновывалось также и наличием негреческих имен в просопографическом фонде города. «Имена херсонеситов негреческого происхождения ... свидетельствуют о том, что некоторые варвары могли входить в число правящей верхушки города» (Даниленко 1966: 168). Наличие в клеймах таких имен, как Σκυθας и Ναπων, свидетельствует о том, что выходцы из туземной среды наряду с греками занимались в городе гончарным ремеслом и что некоторые из них могли занимать должности астиномов (Борисова 1949: 92). Сомнения в обоснованности подобных выводов возникали и ранее (Кадеев 1974), но для доказательства их несостоятельности необходимо было проанализировать весь просопографический фонд Херсонеса. К счастью, в последние годы такая работа была проделана В.Ф. Столбой (Столба 1991). Было проанализировано около 1000 антропономастических единиц, сохранившихся на монетах, керамических клеймах, в лапидарных надписях, граффити и др. В результате проделанного анализа выясняется, что число негреческих имен в городе в IV-III вв. до н.э. чрезвычайно мало. По языковой принадлежности они делятся на группы: 1. Группа малоазийских личных имен и предположительно малоазийских; 2. Группа личных имен фракийского происхождения. «Иранских имен, происхождение которых можно было бы связать со скифским языком, в Херсонесе IV-II вв. до н.э. не от-

¹⁵ Могила № 326.

мечено» (Столба 1991). Последний вывод весьма для нас важен.

Если считать, что лепная керамика, в принципе, отражает проникновение в греческие города низших слоев негреческого населения, а просопография — проникновение представителей эллинизированной негреческой верхушки (Виноградов Ю.Г. 1981б: 137), то в отношении Херсонеса IV — первой трети III вв. до н.э. ответ получается одинаково отрицательный.

И, наконец, еще одно, последнее, наблюдение. Рассматривая процесс и характер взаимодействия окружающих варварских племен и греческих гражданских коллективов в Северном Причерноморье, невозможно миновать заключения о том, что процесс проникновения варварских культурных элементов носит не дискретный, а перманентный характер. С самого начала жизни греческих апойкий — будь то Березанское поселение, Ольвия или города Боспора — везде наблюдается постоянная диффузия варварских компонентов в эллинские общины; происходит постоянная подпитка культуры, остающейся в своей основе греческой, варварскими традициями. Малейшее изменение в способах орнаментации лепной керамики в степной части Северного Причерноморья сразу же или в течение очень короткого времени находит адекватное отражение в лепной посуде, происходящей из греческих городов. Изменение конструкции или появление новых типов погребальных сооружений на территории ближайшего варварского окружения влечет за собой немедленные изменения и в городских некрополях.

Приведенные примеры не единичны, этот ряд можно продолжать весьма долго, однако и этих примеров, по-видимому, достаточно, чтобы констатировать: в Херсонесе эти тенденции проявляются очень слабо.

Все эти обстоятельства, которые мы рассмотрели выше, заставляют скептически относиться к возможности присутствия в среде жителей города значительных групп варварского населения. Необходимо признать также, что при отсутствии в материальной культуре города достаточно яс-

ных хорошо различимых проявлений культуры варварского окружения и влияний со стороны последних на весь круг эллинских культурных традиций херсонеситов, сама постановка такой проблемы — присутствие варварского населения в Херсонесе — лишается всякой опоры.

Очевидно, и вряд ли с этим возможно спорить, что какие-то отдельные выходы из варварской среды в составе населения города могли присутствовать и присутствовали. Однако либо в силу своей малочисленности, либо под влиянием каких-то иных причин такой культурной «критической массы», которая могла бы восприниматься гражданским коллективом и заимствоваться хотя бы на уровне отдельных традиций, в Херсонесе не образовалось. Повидимому, в городе не существовало субкультуры варваров, способной наложить отпечаток на культуру коренного населения города.

Наряду с этим существует достаточно данных о том, что гражданский коллектив Херсонеса не был изолирован от контактов с ближними и дальними варварскими племенами. Хорошо известно место Херсонеса в экономике Северного Причерноморья — достаточно вспомнить, что поставки вина в Скифию из Херсонеса на рубеже IV-III вв. до н.э. достигали весьма солидных размеров. Надо полагать, что и город в обмен за вино получал интересующие его товары. Так что контакты, и весьма тесные, конечно же, существовали, однако при этом они не вели к проникновению в город инородных культурных традиций и, по всей видимости, носителей таких традиций. Речь идет о специфическом, пожалуй, уникальном во всем Северном Причерноморье способе взаимодействия с варварским окружением, при котором влияние со стороны варваров на культуру горожан если и не исключалось полностью, то сводилось до минимума. Быть может, и в этом проявляется особенность дорийской гражданской общины.

Нельзя не вспомнить слова Плиния о Херсонесе, который, по его мнению, «был самым блестящим пунктом на всем этом пространстве благодаря сохранению греческих обычаев» (Plin. N.H., II,85).

Греки и варвары в Северо-Западном Крыму: проблема взаимодействий

Первая греческая колония на побережье Северо-Западного Крыма — Керкинитида, время ее основания — вторая половина VI в. до н.э. Немногочисленные материалы середины-третьей четверти VI в. до н.э., встречающиеся при раскопках городища Керкинитиды, как будто позволяют связать появление поселения на берегу Каламитского залива с миграционной волной из Ионии после разгрома ее персами в 545 г. до н.э. (Кутайсов 1990: 143). Обнадеживает, что эти ранние материалы происходят из стратиграфического горизонта конца VI — начала V вв. до н.э., который перекрывает пер-

вые землянки, но предшествует наземному домостроительству (Кутайсов 1990: 39). Учитывая, что наиболее древние напластования Керкинитиды подтоплены грунтовыми водами и пока недоступны для исследований, следует признать вероятность датировки основания города третьей четвертью VI в. до н.э. реальной.

Во всяком случае, раскопки Керкинитиды, проводившиеся в 80-е годы, не оставляют сомнений в том, что ко времени составления Гекатеем Милетским «Землеописания», где упоминается Керкинитида, город действительно уже существовал. Можно считать окончательно

закрытой дискуссии о времени возникновения этого поселения.

Важным обстоятельством является признание Керкинитиды ионийской апойкией, это следует из анализа граффити, выполненных на ионийском диалекте, и подтверждается некоторыми другими данными: характером денежного обращения, приемами застройки, культурами (Кутайсов 1992: 47).

О раннем периоде жизни поселения на Карантинном мысу известно немного, нижние наиболее древние слои поселения, как уже указывалось, подтоплены грунтовыми водами и по этой причине недоступны для изучения. Установлено, что с момента основания и до конца первой трети V в. до н.э. Керкинитида, так же как и ранняя Ольвия, была построена грунтовыми жилыми и хозяйственными сооружениями — землянками и полуземлянками. Причем в обоих центрах исследователи отмечают в пределах городской территории определенную регламентацию в размещении такого рода сооружений (Крыжицкий 1982: 11-12; Кутайсов 1992: 48).

Радикальные изменения фиксируются в Керкинитиде в 70-60-е годы V в. до н.э.: в это время возводятся первые крепостные стены города, пространство внутри них разбивается на кварталы по строго регулярной планировочной схеме, близкой к гипподамовой. В этом отношении Керкинитида наряду с Березанским поселением демонстрирует один из ранних и очень показательных примеров регулярной застройки площади города (Крыжицкий 1993: 56). В указанное время завершается переход от грунтовых жилищ и хозяйственных структур к возведению сырцово-каменных наземных многокамерных зданий.

Судя по всему, Керкинитида до конца V в. до н.э. оставалась единственным эллинским пунктом на всем северо-западном побережье Крымского полуострова — одновременных ей памятников в этом районе пока не известно. Этот ранний период освоения эллинами Северо-Западного Крыма изучен явно недостаточно. Можно строить лишь догадки о размерах и степени освоения ближайшей к городу округи, о том, как далеко простирались экономические интересы гражданской общины керкинитов; однако несомненным остается тот факт, что в условиях Северо-Западного Крыма для Керкинитиды существовали неограниченные возможности расширения границ полиса. Между тем вплоть до конца V в. до н.э. мы не располагаем никакими сведениями об освоении ближайшей к городу территории, не говоря уже о расширении полисных границ. Разумеется, необходимо учитывать скромные возможности самого гражданского коллектива города, но не исключено, что росту территории полиса препятствовали внешние факторы, в частности, его варварское окружение, контролировавшее основную территорию полуострова.

Керкинитида, так же, как и Ольвия, располагалась на крайней южной границе Скифии. Оба эти полиса в силу своего географического положения были непосредственно связаны с миром кочевников и не могли оставаться в стороне от событий и процессов, происходящих в степной зоне Северного Причерноморья (Виноградов, Марченко 1991). В этом отношении весьма показательна история Ольвийского полиса в V в. до н.э.: здесь после бурного расцвета сельской округи в конце VI — начале V вв. до н.э. в конце 70-х годов V в. до н.э. происходит резкая редукция хоры и запустение подавляющего числа сельских поселений (Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 94).

Восстановление сельской территории Ольвийского государства начинается только в последней четверти V в. до н.э. Указанные события вполне обоснованно увязываются с изменениями, происходящими в степной Скифии (Доманский 1981: 157-162), иными словами, именно «варварский фактор» сдерживал на протяжении 50-70 лет V в. до н.э. развитие Ольвийского полиса.

Надо полагать, что в подобной или очень близкой ситуации могла быть и Керкинитида.

В отличие от Ольвии, где нет прямых свидетельств зависимости города от варваров, в Керкинитиде такое свидетельство имеется. Речь идет о недавно найденном эпиграфическом документе — письме Апатурия Невмению, где содержится упоминание об уплате дани скифам (Соломоник 1987; Кутайсов 1992). Текст процарапан на черепке фасосской амфоры третьей четверти V в. до н.э. Условия находки и палеография указывают на последнюю четверть V в. — рубеж V-IV вв. до н.э. как на наиболее вероятное время нанесения надписи. Ввиду несомненной важности приведем текст документа полностью в переводе Э.И.Соломоник с дополнениями Ю.Г.Виноградова: «Апатурий Невмению. Соленую рыбу свежи домой и равное количество связок для нее; и пусть никто не занимается твоими делами; и, конечно, тщательно следи за волами; и узнай, кто будет платить дань скифам».

Для нас в числе повседневных хозяйственных распоряжений чрезвычайно важными являются сведения о выплате дани скифам. Правда, неизвестно, как часто и в какой форме производились выплаты, но то, что они имеют место, заставляет допускать наличие определенного рода соглашений, договоренностей на этот счет. Следовательно, предположение о существовании некоей зависимости греческих городов от местных варваров в виде протектората или в какой-то иной форме, как видно на примере Керкинитиды, отнюдь не беспочвенно (см., например: Виноградов 1989: 90-109).

Какое-то количество выходцев из варварской среды проживало непосредственно и в самом городе, о чем свидетельствуют находки в

культурных слоях поселений лепной керамики. Напомню, что именно обнаружение обломков лепных чернолощенных сосудов с резным и гребенчатым орнаментом в процессе исследования жилого дома начала V в. до н.э. в центральной части Евпаторийского городища и привело к заключению о существовании на месте Керкинитиды предшествовавшего ей варварского поселения (Наливкина 1957: 267; 1959: 184; 1963: 55). Впоследствии было показано, что обломки лепных чернолощенных сосудов с резным и гребенчатым орнаментом связаны исключительно со строительными комплексами античной Керкинитиды (Голенцов 1981: 230-231; Кутайсов 1987: 24-40) и что, следовательно, предположение о догреческом варварском поселении на месте города не соответствует реальной археологической ситуации.

Специальное исследование этой группы керамики показывает, что, вопреки распространенным представлениям, количество обломков посуды такого рода не так уж и велико — всего за годы раскопок учтено 219 обломков от 63-65 условно целых сосудов, они составляют «ничтожное количество в сравнении с общим объемом античного материала из раскопок Керкинитиды» (Кутайсов 1987: 35). Весьма важны и два других наблюдения. Из достаточно обширной номенклатуры категорий сосудов кизил-кобинской керамики, распространенной на памятниках горного и предгорного Крыма, в керамическом комплексе Керкинитиды представлены все категории: горшки, сосуды реповидной формы, чашки, черпаки, кубки, кувшины (Кутайсов 1987: 29). Это позволяет характеризовать связи города с областью расселения таврских племен как непосредственные. Второе наблюдение хронологического порядка — подобная керамика встречается преимущественно в ранних слоях города: с начала V в. до н.э. и до третьей четверти IV в. до н.э., в более позднее время обломки ее единичны (Кутайсов 1987: 35). Логично связать сокращение присутствия лепной лощеной керамики кизил-кобинских типов в слоях Керкинитиды с начавшейся в это время экспансией Херсонеса в Северо-Западный Крым, повлекшей за собой изменения в традиционных связях города.

Повышенный интерес к кизил-кобинской керамике привел к тому, что из поля зрения исследователей как бы выпала лепная керамика скифского облика, которая, кстати сказать, встречается в тех же слоях и комплексах, что и чернолощенная керамика. Более того, с исчезновением с конца IV в. до н.э. таврских образцов в лепной керамике доминирует скифская степная (Кутайсов 1991: 75). Таким образом, в керамическом комплексе Керкинитиды фиксируется два вида лепной керамики: керамика степных форм, традиционно связываемая с кочевыми скифами, и чернолощенная керамика с резным и гребенчатым орнаментом, распространенная в горном и предгорном Крыму, где

обитали тавры письменных источников.

Следующий период освоения эллинами побережья Северо-Западного Крыма начинается в конце V или на рубеже V-IV вв. до н.э.; он продолжается до времени включения этих территорий в состав Херсонесского государства, происшедшего не ранее конца третьей четверти IV в. до н.э.

Несмотря на то, что для сколько-нибудь полной характеристики этого периода материалов пока тоже недостаточно, тем не менее его основные черты обозначить можно уже сегодня.

Прежде всего, необходимо отметить изменения, происходящие вокруг Керкинитиды и в самом городе. Если верны датировки авторов раскопок, то можно говорить о появлении в ближайшей округе Керкинитиды целой серии поселений, возникающих в конце V — первой половине IV в. до н.э. Самый южный из этих памятников — поселение Ново-Федоровка, где отмечены материалы конца V — первой половины IV вв. до н.э. (Ланцов 1994: 92). К указанному времени относят возникновение таких поселений, как Кара-тобе, Маяк 2 (Колесников 1985; Колесников, Яценко 1989: 58). К числу ранних нужно причислить сельскую усадьбу с круглой башней, открытую П.И.Филонычевым и исследованную М.А.Наливкиной, где найдены материалы конца V — начала IV вв. до н.э. (Наливкина 1953: 133). Усадьба гибнет не позже третьей четверти IV в. до н.э. (Колесников 1985).

Второй четвертью IV в. до н.э. датируется возведение «фактории» на поселении Чайка. Однако строительные остатки, открытые в районе 4-й башни, со всей очевидностью показывают, что здание фактории возведено на развалинах более ранних строительных комплексов, относящихся, скорее всего, еще к V в. до н.э. (Карасев 1967: 215; Карасев 1966: Л.40, 50), а быть может, и к еще более раннему времени, если учитывать находку родосской тарелки середины-третьей четверти VI в. до н.э. на дне моря напротив памятника (Карасев 1965: Л.30).

В настоящее время нет никаких серьезных оснований связывать появление всех этих памятников с деятельностью каких-то иных полисов (ср.: Колесников, Яценко 1989; Щеглов 1986), за исключением Керкинитиды. Думается, что их появление отражает начальный этап сложения керкинитидской сельскохозяйственной области. Этот вывод следует не только из того, что эти памятники расположены вблизи полисного центра, но и в несомненной общности некоторых строительных приемов.¹⁶

Надо полагать, перестройка крепостных

¹⁶ Стена № 4 1-го строительного периода на поселении Ново-Федоровка покоится на слоевом основании; ближайшие аналогии этому строительному приему для этого времени можно найти только в Керкинитиде (Кутайсов 1990). Отметим, что возведение стен на слоевых основаниях не получило развития в херсонесской строительной практике ни в самом городе, ни на памятниках хоры.

стен, расширение территории, интенсивное строительство в городе и одновременное (или вскоре вслед за этим) появление поселений на ближайшей к городу земледельческой округе связаны с процессами изменений как во внутренней жизни самого полиса, так и в его взаимоотношениях с варварским окружением.

Об изменении общей ситуации говорит и начавшееся на рубеже V-IV — в первой половине IV вв. до н.э. заселение северного побережья Тарханкутского полуострова. Среди памятников этого региона назовем прежде всего Калос Лимен, точнее, то небольшое поселение, которое существовало на его месте. Предположение о более ранней начальной дате Калос Лимена уже высказывалось в литературе, правда, без опоры на конкретный археологический материал (Щеглов 1986: 166. Прим.35; 1990: 39). Давно известны находки из некрополя Калос Лимена, правда, большей частью случайные, но они старше общепринятой даты основания города как минимум на 30–40 лет. Исследования этого памятника Западнокрымской экспедицией ИА НАН Украины, проведенные в последние годы, открывают возможность обоснованного пересмотра хронологии Калос Лимена (Кутайсов, Уженцев 1997: 46). Исследователи отмечают, помимо всего, близость строительной техники и толщины восточной куртины Калос Лимена с оборонительной стеной середины IV в. до н.э. на западной окраине Керкинитиды (Кутайсов, Уженцев 1994: 51).

Скорее всего, в круг ранних памятников нужно включать и Караджинское городище, из некрополя которого происходили ранние вещи (Щеглов 1986: Прим.35). Разумеется, что это только догадка, поскольку сами вещи утрачены, но, судя по облику погребальных сооружений некрополя этого городища, по подкурганым склепам из камня, которые хорошо сохранились до настоящего времени, они принадлежат действительно ко времени не позже середины-третьей четверти IV в. до н.э., позднее подобные сооружения в Северо-Западном Крыму уже неизвестны. Вместе с тем, если подтвердится локализация на месте этого городища Дандаки, восстанавливаемой в последней строке списка Понтийского податного округа (Кутайсов 1990: 149), то возможно, что поселение нужно будет относить к еще более раннему времени.

На рубеже V-IV вв. до н.э. на берегу Ярылгачской бухты в Северо-Западном Крыму основывается поселение Панское I. Как установлено, поселение и могильник, расположенный рядом, существуют на протяжении всего IV в. до н.э. и первую треть III в. до н.э., в конце указанного периода поселение гибнет, и жизнь на нем уже более не возобновляется.

Естественно, что наиболее важным представляется начальный период в жизни поселения, к сожалению, остающийся почти не изученным. Тем не менее, следует отметить наличие

небольшого, но отчетливо выраженного временного разрыва между наиболее ранними комплексами некрополя и материалом из древнейшего слоя поселения: серия наиболее ранних могил некрополя датируется в пределах рубежа V-IV вв. до н.э. — первой четверти IV в. до н.э., что по меньшей мере на четверть века старше вещей из древнейшего слоя поселения. Отмеченный разрыв в датировке представляет собой необычное, пожалуй даже, исключительное явление, поскольку целая серия памятников в Северном Причерноморье демонстрирует обратную картину — материал из наиболее ранних погребальных комплексов всегда несколько позднее материалов из древнейших слоев поселений. Имеющиеся хронологические несовпадения между ранними комплексами поселения Панское I и его могильника, скорее всего, говорят о том, что наиболее ранние строительные комплексы поселения пока еще не открыты.

Возведение четырехбашенного форта на поселении относится, думаю, к концу первой четверти IV в. до н.э. Первая существенная перепланировка здания, возможно, связанная с устранением последствий пожара, может быть датирована достаточно точно материалами колодца, функционировавшего на протяжении всего первого строительного периода в одном из помещений, засыпанного и перекрытого стеной во время перепланировки. В керамическом комплексе из колодца к числу наиболее поздних принадлежат обломки скифосов (типа АА, 352), а также несколько обломков сетчатых лекифов с орнаментом характерным для сосудов не ранее середины — конца второй четверти IV в. до н.э. Именно эти наиболее поздние вещи и составляют датировать первую перестройку четырехбашенного укрепления У7 временем не ранее конца второй четверти IV в. до н.э. (ср.: Щеглов 1985: 85; 1986: 166).

Такая датировка событий хорошо коррелирует с изменениями, фиксирующимися в погребальном обряде некрополя, которые происходят также во второй четверти столетия (Рогов 1989: 102).

Материалы некрополя позволяют ответить и еще на один чрезвычайно важный вопрос о происхождении первопоселенцев Панского I. К самому раннему пласту погребений некрополя принадлежит серия подбойных могил, которые по своему устройству, размерам, характеру размещения погребального инвентаря, типам закладов подбоев имеют прямые аналогии в городском некрополе Ольвии. Надо заметить, что в могильниках сельской округи Ольвии этот тип погребальных сооружений становится известен сравнительно поздно — не ранее второй четверти IV в. до н.э., хотя некоторые исследователи относят появление подбоев на хоре Ольвии даже ко 2-й половине IV в. до н.э. (ср.: Снытко 1988: 103). Отмеченное обстоятельство, а

также ряд других наблюдений (Щеглов, Рогов 1985) позволяют связать появление поселения Панское I непосредственно с деятельностью в этом районе Крыма выходцев из самого города Ольвии.

Постепенное накопление материалов конца V — первой половины IV вв. до н.э., свидетельствующих об освоении побережья Северо-Западного Крыма в это время, подводит к постановке и попыткам решения вопроса о том, какими полисами проводилось заселение побережья. Прямых свидетельств, за исключением упомянутых нами выше в отношении поселения Панское I, не существует, однако догадки и предположения, основанные на соображениях общего порядка, высказывались.

Что касается памятников, открытых вблизи Керкинитиды, то, как уже упоминалось, есть серьезные основания связывать их с деятельностью именно этого полиса.

Вместе с тем, некоторые исследователи связывают появление поселений Маяк-2, Чайка, Кара-тобе с экспансией Херсонеса в этот район. Правда, в этом случае приходится допускать, что освоение Северо-Западного Крыма Херсонесом началось со второй четверти IV в. до н.э. и с земель этого района (Колесников, Яценко 1989: 58). К этому же времени относится начало проникновения Херсонеса в Северо-Западный Крым и А.Н.Щеглов (Щеглов 1986; Виноградов, Щеглов 1990). К этому вопросу мы вернемся ниже, а пока сжато изложим точку зрения, предложенную сравнительно недавно и отражающую заинтересованность Гераклеи в хлебных равнинах Северо-Западного Крыма. Согласно ей, херсонесскому этапу освоения Северо-Западного Крыма предшествовал гераклеийский, с ним связано возведение гераклеийского эмпория в конце V — начале IV вв. до н.э. на месте поселения Чайка с целью распространения гераклеийского влияния на племена Западной Таврики (Сапрыкин 1986: 93). Заинтересованность Гераклеи в землях Северо-Западного Крыма могла появиться вследствие неудач Феодосии в войне с Боспором и утратой влияния Гераклеи в Восточном Крыму (Сапрыкин 1986: 96). Интерес Гераклеи к событиям, происходящим в Таврике, равно как и во всем Северном Причерноморье, судя по многочисленному импорту из этого полиса, не мог не иметь места, поэтому логично допустить, что после утраты Гераклеей возможности получать хлеб из Восточного Крыма через Феодосию, она была вынуждена искать иные источники удовлетворения своих нужд. В этой ситуации земли Западного Крыма могли и, пожалуй, должны были рассматриваться гераклеянтами в качестве потенциального поставщика хлеба.

Эти вопросы заслуживают самого серьезного внимания и углубленной проработки, однако сегодня для более или менее удовлетворительного ответа на них данных все же недостаточно.

Вернемся все же к проблеме освоения Северо-Западного Крыма ольвиополитами. Можно, пожалуй, согласиться с предостережениями о чрезмерно расширительной трактовке участия Ольвии в освоении Северо-Западного Крыма (Ланцов 1994: 93). Ввиду отсутствия на всех остальных ранних памятниках Северо-Западного Крыма бесспорных свидетельств присутствия ольвиополитов выделение «ольвийского этапа» в освоении земель северо-западной Таврики, по-видимому, пока преждевременно. К этому можно добавить и другие соображения.

Общеизвестно, что так называемая реколонизация хоры Ольвии, т.е. возрождение жизни на большинстве сельских поселений ольвийской округи, приходится на первое десятилетие IV в. до н.э. (Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 99), хотя первые признаки возрождения относятся к более раннему времени — V в. до н.э. Имеются серьезные основания отодвинуть начало процесса даже в третью четверть V в. до н.э. Наиболее ранние вещественные находки и строительные комплексы на поселениях Старая Богдановка 2, Козырка 12-южная, Чертоватое 7 показывают, что робкие ростки возрождения ольвийской сельской округи начинаются именно в третьей четверти V в. до н.э. Этот постепенно набирающий силу процесс достигает наибольшего размаха на рубеже V-IV вв. до н.э. — в начале IV в. до н.э. На фоне активного освоения как ближайшей к Ольвии территории, так и земель, удаленных от города на 30-40 км к северу и югу, учитывая отсутствие каких-либо ограничений расширения земельного фонда города, возможность, а главное, необходимость приобретения дополнительного земельного фонда в Северо-Западном Крыму, куда менее плодородном, нежели Нижнее Побужье, выглядит крайне сомнительно.

Нельзя пройти мимо и другого чрезвычайно важного обстоятельства: четырехбашенный форт на берегу Ярылгачской бухты ни по планировке, ни по своим строительным приемам не имеет параллелей на памятниках ольвийской хоры. Более того, он демонстрирует полную противоположность всему тому, что мы знаем о сельских памятниках Ольвии этого времени.

Разведки и стационарные раскопки ольвийских сельских поселений показывают, что с самого начала возрождения жизни на них — в V в. до н.э. и на протяжении всей первой половины IV в. до н.э. — они застраивались в основном грунтовыми жилами и хозяйственными сооружениями — землянками и полуземлянками. Только около середины IV в. до н.э. намечается переход к наземному сырцово-каменному строительству (Головачева, Марченко, Рогов, Соловьев 1991: 71). Однако ни в первой, ни даже во второй половине IV в. до н.э. ничего подобного четырехбашенному укреплению Панского на

хоре Ольвии нет. Именно поэтому приходится признать исключительный, особый характер этой четырехбашенной постройки, никак не связанной с процессами формирования земледельческой базы Ольвии.

Скорее всего, возникновение форта на Панском следует рассматривать в контексте бурных политических событий, происходивших в Ольвии в конце V — начале IV вв. до н.э.

Итак, как мы видим, существуют различные предположения о том, кто и как осваивал Северо-Западный Крым в первой половине IV в. до н.э. Однако, какую бы точку зрения мы ни приняли, в любом случае придется признать: колонизация побережья не была сплошной, поселения, появившиеся в Северо-Западном Крыму в это время, были небольшими и были удалены друг от друга на значительное расстояние. Вопрос же о том, каким из полисов проводились мероприятия по освоению побережья, в настоящее время не может быть решен однозначно: для этого пока слишком мало достоверных данных. Безусловно, его решение осложняется еще и тем, что исследователи вольно или невольно рассматривают этот регион как единое целое, в то время как таковым он становится только в конце IV в. до н.э. в составе Херсонесского государства. Проецирование на первую половину IV в. до н.э. ситуации конца столетия не может не заслонять действительное положение вещей. Не исключено, что Северо-Западный Крым был областью интересов сразу нескольких полисов, и все они в какой-то мере причастны к освоению его земель.

Следующий, третий и последний, период освоения эллинами Северо-Западного Крыма несомненно связан с интенсивной колонизационной деятельностью Херсонесского полиса.

Еще совсем недавно начало проникновения Херсонеса в этот район датировалось большинством исследователей последней четвертью и даже концом IV в. до н.э. и ставилось в связь с событиями в степной Скифии (Щеглов 1976: 82). Считалось, что благоприятные условия для колонизации Северо-Западного Крыма Херсонесом сложились после гибели скифского царя Атея и последовавшим за этим ослаблением Скифской державы (Щеглов 1978: 119). Правда, как тогда, так и теперь нет полной уверенности в том, что владения Атея охватывали всю степную зону Северного Причерноморья, и в том числе Северо-Западный Крым (см.: Шелов 1971). Здесь изложены две точки зрения на величину державы Атея и соответствующая библиография).

В последнее время все чаще звучит утверждение о том, что экспансия Херсонеса в этот район началась значительно раньше — еще во второй четверти IV в. до н.э. (Колесников, Яценко 1989: 58; Щеглов 1986) и что, по всей видимости, Херсонес столкнулся в Северо-Западном Крыму не со Скифией, а с Ольвией, вооружен-

ный конфликт с которой, закончившийся победой Херсонеса, произошел около середины IV в. до н.э. (Виноградов, Щеглов 1990: 323-324).

Остановимся на этой проблеме более подробно. Начнем с последнего из предположений — конфликта между Херсонесом и Ольвией. Выше уже было показано, что присутствие ольвиополитов в Северо-Западном Крыму достоверно установлено лишь для одного памятника, поэтому, если допускать вероятность конфликта, то его заранее следует ограничить рамками только этого поселения.

В процессе исследования четырехбашенного здания форта на Панском было выделено два стратиграфических горизонта, каждый из которых включает по два строительных периода. Только во втором, позднем стратиграфическом горизонте фиксируются типично херсонесские особенности (Щеглов 1985: 84). Следовательно, вопрос смены раннего стратиграфического горизонта поздним весьма важен. Оба строительных периода раннего стратиграфического горизонта, а также и сами стратиграфические горизонты отделены друг от друга слоями пожаров, правда, в обоих случаях из-за небольшой величины исследованных площадей невозможно сказать определенно, были ли пожары общими для поселения или локальными. Как было показано выше, первый пожар и смена строительных периодов должны быть отнесены не к рубежу первой и второй четвертей IV в. до н.э., а к концу второй четверти этого столетия. Учитывая продолжительность второго строительного периода, время второго пожара и соответственно смена стратиграфических горизонтов в таком случае приходится на середину или даже конец третьей четверти IV в. до н.э. Таким образом, третья четверть, а скорее — ее конец, является тем рубежом, после которого херсонесское присутствие начинает явно ощущаться в материале (ср. одновременный этому слой пожара в Калос Лимене: Кутайсов, Уженцев 1997: 46). Этот вывод находит прямое подтверждение и в материалах некрополя, где херсонесские погребальные традиции проявляются только в последней четверти IV в. до н.э. (Рогов 1988: 89; 1989: 102; 1998).

О том, что поселение Панское I находилось под юрисдикцией Ольвии, а не Херсонеса, свидетельствует выписка из ольвийского декрета в честь двух афинян (НО 5), сделанная на обломке чернолаковой чаши, найденной при раскопках зольного холма на западной окраине У7 (Виноградов 1990: 57-64). Сам документ, из которого сделана выписка, датируется издательницей временем не ранее середины IV в. до н.э. (Леви 1958: 234. Табл. I.1; НО 5). Близкая датировка — 40-30-е годы — разносторонне обоснована Ю.Г.Виноградовым (Виноградов 1990: 58). Издатель граффито справедливо отметил, что сама чаша по форме и тусклому лаку с большой натяжкой может быть отнесена к третьей

четверти IV в. до н.э.: такие сосуды более характерны для конца этого столетия и для начала следующего, и что выписка имела *raison d'être* только в том случае, если на эту территорию распространялась юрисдикция Ольвии (Виноградов 1990: 56, 59).

Перечисленные выше доводы заставляют склоняться к мысли, что если конфликт между Ольвией и Херсонесом и имел место, то, во всяком случае, не ранее конца третьей четверти IV в. до н.э., и вряд ли в него был вовлечен весь Северо-Западный Крым.

Все свидетельства, приводимые для обоснования экспансии Херсонеса в Северо-Западный Крым еще во второй четверти IV в. до н.э., при ближайшем рассмотрении оказываются несостоятельными. Наиболее значимые из них — херсонесская фактория на Чайке, раннее размежевание земель в районе Евпаторийского маяка и новый период строительства в Керкинитиде с характерными херсонесскими признаками (Виноградов, Щеглов 1990: 322).

В действительности, здание «фактории», открытое А.Н.Карасевым на Чайке, никогда и никем не было убедительно атрибутировано как херсонесское. Анализ отчетов, хранящихся в архиве ИИМК РАН, показывает, что стратиграфия здания не проста и не однозначна — это неоднократно подчеркивалось А.Н.Карасевым, и что первоначально здание «фактории» (термин, употребляемый автором раскопок условно) жилым не было, имело общественный характер. Ясно, что херсонесским оно именовалось первооткрывателем тоже условно.

Серьезным доводом херсонесского присутствия в Северо-Западном Крыму, казалось бы, является открытие в 1983-1985 гг. размежевки в районе Евпаторийского маяка. Между тем авторы раскопок отмечают значительный разброс в датах и невозможность стратиграфически установить синхронность раннего материала устройству виноградника, поскольку керамические обломки происходят из подсыпок, грунт для которых брался из зольника поселения, существовавшего где-то поблизости (Колесников, Яценко 1989: 58). Однако главное препятствие для атрибуции этого виноградника как херсонесского состоит в том, что «по способу устройства и функциям он не имеет ничего общего с виноградниками Гераклеийского и Тарханкутского полуостровов» (Колесников, Яценко 1989: 58). В подробной публикации материалов раскопок хоть и отмечается, что по планировке маякский виноградник имеет много аналогий на Гераклеийском и Тарханкутском полуостровах и интерпретируется как херсонесский (Колесников 1998: 128), однако анализ выявляет его резкое отличие от плантажей, распространенных на Гераклеийском полуострове. Более того, если принимать дату его возникновения — вторая четверть IV в. до н.э., — то он синхронен размежевке Маячного полуострова, а учитывая высокую сте-

пень стандартизации, свойственную херсонеситам при обустройстве своего земельного фонда, имеющиеся различия становятся просто необъяснимыми. Равным образом серьезные различия выявляются и в сортах произраставшего здесь винограда, семена которого «по величине главных параметров существенно отличаются от семян, обнаруженных на усадьбах Гераклеийского полуострова» (Колесников 1998: 136).

Противоречие не устраняется предположением о том, что освоение Северо-Западного Крыма производилось «силами переселенцев из Малой Азии и других областей греческого мира», которые и принесли иные, чем в Херсонесе, сорта винограда, а помимо этого — и «многие элементы материальной и духовной культуры (в сельском хозяйстве, производстве, погребальной обрядности, культах и пр.)», неизвестные в самом Херсонесе.

В действительности никаких данных ни о самих переселенцах, ни о принесенных ими элементах «новой» культуры не существует

В противоположность этому, виноградные плантации в окрестностях Калос Лимена и у мыса Ойрат демонстрируют удивительное единство как агротехнических приемов, так и семян именно с наделами Гераклеийского полуострова (Щеглов 1978: 111-112; Янушевский и др. 1982: 307 и сл.). Все это заставляет признать очевидный факт: виноградник у Евпаторийского маяка был устроен в иных, нежели распространенные в Херсонесе, агротехнических традициях и ещё до времени активного освоения херсонеситами побережья Северо-Западного Крыма.

И, наконец, остановимся на тезисе о новом периоде строительства в Керкинитиде с характерными херсонесскими признаками. В датировке начала этого периода не следует все же пренебрегать данными, полученными В.А.Кутайсовым в последние годы раскопок памятника. Специальное исследование этого вопроса показывает, что нарастание херсонесских черт в материальной культуре Керкинитиды происходит со времени не ранее конца третьей четверти IV в. до н.э. (Кутайсов 1990: 157), что корреспондирует и с материалами Калос Лимена (Кутайсов, Уженцев 1997: 46).

Попутно отметим, что постоянно упоминаемые в литературе херсонесские черты, херсонесские признаки в приложении к первой половине — середине IV в. до н.э. весьма призрачны, о таковых по существу можно говорить не ранее последней трети — последней четверти IV в. до н.э. Памятники Северо-Западного Крыма более раннего времени в Херсонесе просто не с чем сравнивать. Напомним, что в наиболее хорошо изученном северо-восточном районе Херсонеса в конце V и всю первую четверть IV в. до н.э. существуют заглубленные в скалу жилые и хозяйственные сооружения, подобные земляночным структурам (Золотарев 1990: 68-76). Строительные остатки наземных сооруже-

ний второй четверти IV в. до н.э. дошли в столь плачевном состоянии, что ни о каких сопоставлениях со зданиями, подобными фактории на Чайке в Северо-Западном Крыму, не может быть и речи (ср.: Золотарев 1988: 50-52). И только с последней четверти IV в. до н.э., когда окончательно формируется облик города, ведется массовое строительство усадеб на Гераклейском полуострове, становится возможным выявление специфически херсонесских признаков. То же самое мы наблюдаем при анализе погребального обряда некрополей Северо-Западного Крыма, где вплоть до последней четверти IV в. до н.э. никаких погребальных традиций, присущих некрополю Херсонеса, не выделяется (Рогов 1988; 1998; Кутайсов, Ланцов 1989: 33-34).

К сказанному выше добавим, что большую часть IV в. до н.э. Херсонес оставался весьма небольшим как по площади, так и по числу проживающих в нем жителей полисом и вряд ли был способен на сколько-нибудь активные и серьезные самостоятельные мероприятия в достаточном удаленном Северо-Западном Крыму.

Для подтверждения раннего присутствия Херсонеса в Северо-Западном Крыму и его военного конфликта с Ольвией приводятся свидетельства нумизматики как Херсонеса, так и Керкинитиды (Щеглов 1986: 170; Виноградов, Щеглов 1990: 326; Столба 1990). Это и является побудительной причиной для краткого анализа и этой группы материала.

Обращение к столь большой, сложной и давно изучаемой теме, как монеты Херсонеса и Керкинитиды, требует определенных ограничений. Мы не станем останавливаться на монетных выпусках Керкинитиды V в. до н.э., ограничимся лишь констатацией того, что на протяжении всего этого столетия монетное дело этого полиса развивалось и эволюционировало в том же направлении, что и в других городах Северо-Западного Причерноморья, прежде всего, Ольвии (Кутайсов 1992: 138). Выпуск собственной монеты в Керкинитиде прекращается, очевидно, в последней четверти V в. до н.э., хотя литые монеты, выпущенные ранее, продолжают находиться в обращении еще и в начале IV в. до н.э. (Кутайсов 1992: 140; Анохин 1989: 82).

С начала IV в. до н.э. денежный рынок Керкинитиды заполняют иногородние монеты, ведущее место среди которых принадлежит монетам соседнего Херсонеса.

Прекращение выпуска собственных денег не может трактоваться иначе, как утрата полисом самостоятельности. При каких обстоятельствах и по каким причинам это происходило, не ясно.

Прекращение выпуска полисных монет и нарастающее поступление денег из Херсонеса пытаются рассматривать как политическое подчинение Керкинитиды Херсонесу (Анохин 1989: 84). Однако такое объяснение нельзя считать удовлетворительным, во-первых, потому, что литые монеты в Керкинитиде прекращаются еще

до того, как Херсонес начинает бить собственную монету. Кроме того, хотя в структуре денежной массы Керкинитиды представлены монеты многих выпусков Херсонеса, тем не менее анализ показывает, что поступление их началось не ранее второй четверти столетия. И, во-вторых, не следует забывать, что Херсонес всю первую половину IV в. до н.э. по причине своей слабости и неразвитости вряд ли был в состоянии подчинить Керкинитиду.

Как известно, в конце V в. до н.э. город платил дань скифам. Логичнее всего связать утрату политической независимости Керкинитиды в конце V в. до н.э. с ужесточением зависимости от какой-то местной скифской орды. Нельзя ли рассматривать предпринятую в это время реконструкцию оборонительных сооружений города как неудавшуюся попытку противостоять угрозе независимости?

Возобновление выпуска монет относят ко времени не ранее середины IV в. до н.э. Чеканных серий монет Керкинитиды известно в настоящее время всего пять, последовательность их такова: Крылатая Ника с пальмовой ветвью, надпись КАРК/Лев, терзающий быка, под сценной терзанием палица Геракла и надпись НЕРАКΛ; голова богини (Тихе?)/всадник на лошади, в руке копье, за спиной лук и колчан, внизу надпись КАРΚΙΝΙ и одно из имен магистратов НЕРАΚ, ΗΡΟΝΥ, ΡΟΛΥΧ; голова Геракла в львиной шкуре/орел на молнии, внизу надпись КАРΚΙΝΙ, над орлом одно из имен магистратов НЕРАΚ, ΗΡΟΝΙ; бородатый скиф, сидящий на скале, надпись ΚΕΡΚΙ/конь, под которым одно из имен чиновников; голова Артемиды, надпись ΚΕΡ/олень с поднятой ногой и в сокращении имя чиновника.

В результате анализа серии чеканных монет города в одну нумизматическую серию из двух номиналов были объединены монеты двух последних выпусков (Карышковский 1953), впоследствии в такую же серию объединены монеты Тихе/всадник и голова Геракла/орел (Анохин 1989: 83; Столба 1989: 49-50; подробнее см.: Кутайсов 1990: 154-155). Таким образом, ныне выделяется всего три монетные эмиссии, причем большинство исследователей согласны с тем, что стилистически и технологически монетный чекан Керкинитиды неоднороден и состоит из двух эволюционно не связанных между собой групп — двух ранних эмиссий и одной поздней; между этими группами был хронологический разрыв (Кутайсов 1990; 1992; Столба 1990; ср.: Анохин 1989: 82-85).

Отмеченная выше особенность монетного дела Керкинитиды — не единственная. Помимо дискретного характера чеканки монет, необходимо отметить и еще один давно известный факт, а именно — отражение в сюжетах монет варварской тематики (Зограф 1951: 160). Наряду с этим, замечена зависимость монетного дела Керкинитиды от нумизматики Херсонеса

(Бурачков 1884: 90; Орешников 1892: 6 и сл.; Зограф 1951: 160), допускается даже возможность чеканки керкинитидских монет на монетном дворе Херсонеса или в Керкинитиде, но под контролем херсонесских чиновников (Медведева 1984: 47–49). Впрочем, типологические параллели в монетных чеканках обоих городов, очевидно, сильно преувеличиваются, по существу, они ограничиваются одним-единственным монетным типом (Анохин 1989: 85), в то же время влияние монетной чеканки Гераклеи на монеты обоих городов остается оцененным недостаточно.

Как в датировке двух ранних выпусков монет Керкинитиды, так и в трактовке их сюжетов содержится немало противоречий. Отметим только некоторые из них.

Первый, наиболее ранний выпуск керкинитидских монет с богиней победы Никой и львом, терзающим быка, очевидно, был немногочисленным. А.Н.Зограф обратил внимание на тождество фактуры этих монет с херсонесскими монетами серии из двух номиналов: квадрига/воин, двуликая голова/лев, терзающий быка (Зограф 1951: 161). Отталкиваясь от этого наблюдения, А.М.Гилевич предположила, что упомянутые монеты обоих городов выпущены по случаю победы над скифами в ходе подчинения Северо-Западного Крыма Херсонесом после поражения и смерти Атея в 339 г. до н.э. (Гилевич 1970: 6 сл.). Однако, придя к заключению, что притязания на Северо-Западный Крым встретили противодействие не скифов, а Ольвии, А.Н.Щеглов рассматривает одновременный выпуск монет с победными сюжетами в обоих городах как результат победы Херсонеса над Ольвией, причем на стороне первого выступила и Керкинитида (Щеглов 1986: 170–171; Виноградов, Щеглов 1990: 326).

Между тем очевидно, что начало чеканки Керкинитидой собственной монеты не означает ничего иного, как обретение полисом политической самостоятельности. В таком случае получается, что именно Ольвия, победа над которой с помощью Херсонеса принесла независимость Керкинитиде, и была виновницей утраты самостоятельности полиса. Вывод логичный, но совершенно не соответствующий исторической ситуации, тем более, что ни в сюжетах монет, ни в остальном археологическом материале нет даже намека на подобное развитие событий.

Пожалуй, стоит подробнее рассмотреть упоминавшиеся выше серии монет Керкинитиды и Херсонеса.

В херсонесской серии монеты старшего номинала несут на лицевой стороне изображение квадриги с возницей, держащим в руке бич, а на оборотной стороне помещен коленопреклоненный воин со щитом. Изображения на обеих сторонах монеты не оригинальны, а заимствованы, как установлено еще А.В.Орешниковым. Изображение лицевой стороны имеет параллели в сицилийских монетах, а сюжет оборотной

имеет близкие соответствия в монетах Оронта и Кизика (Зограф 1927: 380 сл.). А.Н.Зограф считал связь лицевой и оборотной сторон очевидной, поскольку для них выбраны наиболее яркие типы агонистического характера, выпуск монет был осуществлен в связи с какими-то играми, проводившимися в городе по поводу неких торжеств (Зограф 1927: 391).

В смысловом отношении младший номинал не связан со старшим. Истолкование изображения двуликой головы, по словам А.Н.Зографа, вообще представляет значительные трудности, он допускал возможность видеть в нем изображение какого-то местного двуликого божества. Типу оборотной стороны — сцене терзания львом быка — давались самые разнообразные толкования: эпизод боя животных на состязаниях, аллегорическое изображение; однако наиболее вероятно видеть здесь, по мнению А.Н.Зографа, реальный, может быть, легендарный мотив (Зограф 1927: 396). Сопоставление сцены терзания на младшем номинале херсонесской серии с монетами Аканфа, Велии, династов юга Малой Азии и Кипра «убеждает в том, что при всей близости мотивов эти типы не дают полных аналогий херсонесским монетам ... Гораздо более решительные аналогии дают золотые четырехугольные бляшки из Чертомлыка» (Зограф 1927: 396). Думается, что это наблюдение нумизмата чрезвычайно важно.

Заметим, что вся серия монет совсем не обычна для херсонесской нумизматики: на обоих номиналах монет отсутствуют традиционно херсонесские монетные символы, зато имеющиеся изображения неизвестны в более раннее время и не повторяются в более позднее. Более того, одновременное или почти одновременное появление сюжета «благого» терзания на монетах сразу двух соседних городов — Керкинитиды и Херсонеса — при том, что этот сюжет в монетах городов Северного Причерноморья более не повторяется, представляет собой явление в высшей степени исключительное. Указание А.Н.Зографа на теснейшую стилистическую и композиционную связь изображений на керкинитидских и херсонесских монетах с бляшками из Чертомлыка открывает направление поиска смысловых аналогий.

Если сюжет терзания в греческом искусстве и нумизматике — явление эпизодическое, связанное главным образом с восточными влияниями, то в искусстве скифов, скифском зверином стиле, издревле это один из самых популярных и основных сюжетов, встречающихся на множестве вещей самого разного рода (Кузьмина 1976; 1976а.: 57, 61).

Думается, что обращение монетариев к кругу наиболее излюбленных скифских сюжетов, сочетание сцены «благого» терзания на оборотной стороне с изображением богини победы Ники на лицевой стороне монет первого выпуска Керкинитиды, возвещающего об обретении

городом независимости, ясно и однозначно указывает, над кем одержана победа и от чьей зависимости город освободился. Повторение этого сюжета на монетах младшего номинала херсонесской серии, учитывая, что это единственный случай обращения херсонесских монетариев к варварской тематике, заставляет рассматривать Херсонес в качестве основного союзника и, быть может, участника освобождения Керкинитиды.

Возможно, что имеющееся под сценой терзания на монетах Керкинитиды изображение палицы Геракла, символа постоянно присутствующего на монетах Гераклеи и Херсонеса, а также прямые заимствования изображений с монет Гераклеи времени тирана Сатира для второй серии керкинитидских монет (подробнее см.: Кутайсов 1992: 149) указывают на заинтересованность, поддержку и, быть может, участие в освобождении Керкинитиды от варварской зависимости не только Херсонеса, но и Гераклеи.

При определении даты монет первой серии в Керкинитиде, а следовательно, и возвращения городу независимости, связь их с монетной серией Херсонеса имеет первостепенное значение. Херсонесские монеты с квадригой и связанные с ними монеты младшего номинала всеми без исключения исследователями относятся ко второй половине IV в. до н.э., однако в пределах этого временного отрезка более точная хронологическая привязка определяется по-разному.

Первоначально монеты с квадригой А.Н.Зограф относил к началу последней четверти или к предпоследнему десятилетию IV в. до н.э. (Зограф 1927: 387). Впоследствии он отодвинул начало их выпуска на одно-два десятилетия назад, т.е. ближе к началу второй половины IV в. до н.э. (Зограф 1951: 150). Этим же временем — 40-ми годами IV в. до н.э. — датировала упоминаемые монеты А.М.Гилевич (Гилевич 1970). В последние годы все большее признание находит датировка их серединой IV в. до н.э. (Анохин 1977: 22-25; Щеглов 1986: 170-171; Столба 1990; Кутайсов 1992), хотя некоторые нумизматы продолжают настаивать на более поздней датировке (Грандмезон 1982: 35). Как видим, бесспорной хронологической привязки в пределах второй половины IV в. до н.э. для этих монет нет.

Говоря о выпуске монет с квадригой в Херсонесе в честь спортивных игр, проводившихся по поводу каких-то праздничных торжеств, А.Н.Зограф считал их выпуск недолговременным, но обильным (Зограф 1951: 148), и это удачно подкрепляло его предположение об их праздничном характере. Дальнейшее изучение этой группы монет показало, что их чеканка осуществлялась на протяжении не менее двух десятков лет (Анохин 1977: 24). Отсюда возникают вполне справедливые сомнения в том, что их победный характер связан с победой над

Ольвией и подчинением Северо-Западного Крыма. Вряд ли даже самая блестящая победа сохраняла свою актуальность на протяжении почти четверти века. Скорее можно предполагать, что торжества и связанные с ними состязания проводились по какому-то иному поводу, сохранявшему свою значимость на протяжении длительного времени. Таким поводом могло быть заключение союза между Херсонесом и Керкинитидой, в котором какое-то участие могла принимать и Гераклея.¹⁷

На наличие союзных отношений (симмахии) между Херсонесом и Керкинитидой обращается в последнее время самое пристальное внимание (Столба 1990; Виноградов, Щеглов 1990). Действительно, только в таком контексте становятся понятными строки 18-20 присяги херсонеситов, в которых говорится о злоумышляющих, или предающих, или склоняющих к отпадению Херсонес, Керкинитиду, Калос Лимен и пр. Упоминание в этом перечне Херсонеса, отпадение которого, наряду с прочими пунктами, допускается как потенциально возможное, делает предположение о наличии некоего союза весьма вероятным (Столба 1990: 152-153).

Вернемся все же к монетным выпускам Керкинитиды и Херсонеса. Как установлено, монеты с квадригой выпускались на протяжении длительного времени. Первоначально были выпущены монеты без буквенных обозначений, затем осуществлено три выпуска с сокращенными именами магистратов — HP; AY; SA, последовавшие за этим выпуски несут на себе буквенные обозначения от A до Σ (Анохин 1977: 44). Младший номинал серии выпускался очень короткое время, на этих монетах известны сокращенные имена тех же чиновников, что и на монетах старшего номинала (Зограф 1927; Анохин 1977: 22). Это означает, что совместный выпуск монет старшего и младшего номинала осуществлялся только при этих чиновниках, притом очень короткое время и, что весьма важно, не с самого начала чеканки монет с квадригой. Если верна последовательность выпуска монет старшего номинала и верны наши рассуждения, то оказывается, что начало чеканки монет старшего и младшего номиналов не только не совпадают по времени, но и отчеканены они, вполне вероятно, по поводу разных событий.

С херсонесскими монетами младшего номинала в типологической и смысловой взаимосвязи находятся монеты Керкинитиды первого вы-

¹⁷ Херсонес и Керкинитиды — не единственные полисы в Северном Причерноморье, где в монетной чеканке отмечается влияние Гераклеи. Появление на монетах атрибутов или сюжетов, заимствованных с гераклеиских монет, отмечается для монет Синдики, Фанагории, Феодосии, Тире. Тесные параллели в монетной чеканке, по мнению исследователей, допускают наличие союзных отношений между Гераклеей и этими городами (см.: Максимова 1956: 164; Minns 1913: 559).

пуска с Никой и сценой терзания. По существу, они и только они являются победными монетами, поскольку в их сюжетах содержится недвусмысленное указание на то, по какому поводу они выпущены и над кем одержана победа, херсонесские же монеты лишь дублируют сюжет. Если монеты с квадригой отмечают заключение союза, то монеты с Никой в Керкинитиде и монеты с двуголовой головой и сценой терзания в Херсонесе отражают первые реальные плоды деятельности этого союза.

В нумизматической литературе неоднократно подчеркивалась стилистическая близость монет Керкинитиды и Херсонеса, между тем она вполне понятна и объяснима. Приступая к возобновлению монетных выпусков, Керкинитиды, естественно, не имела ни собственных мастеров, ни собственных резчиков штампов для монет. Весьма вероятно, что штампы для монет первых серий были заказаны уже известному и опытному резчику, не исключено, что тому же, кто резал штампы и для монет Херсонеса.

Таким образом, и монеты двух причерноморских городов не являются ясным и однозначным доказательством раннего проникновения Херсонеса в Северо-Западный Крым. Напротив, анализ монетных эмиссий показывает, что в середине — третьей четверти IV в. до н.э. Керкинитиды и Херсонес выступали как союзники, очевидно, равные как по своему потенциалу, так и по своему значению.

Как бы там ни было, но последняя четверть IV в. до н.э. — важное время в истории Северо-Западного Крыма. Именно в это время все побережье от озера Кизил-Яр на юге и практически до Перекопского перешейка на севере покрывается сетью приморских поселений (Щеглов 1978: Рис.8). Типологически они отличаются друг

от друга, но топографически зависимость их от качества пригодной для обработки земли и от морского побережья бесспорна (Щеглов 1978: 32). По-видимому, одновременно размежеваются значительные площади плодородных земель как в приморской части, так и в глубине Тарханкутского полуострова, которые, по суммарным оценкам, составляют около 200-300 кв. км, втрое превышая площадь, поделенную на участки вблизи самого Херсонеса (Щеглов 1986: 173). При всей близости, отмечаемой для размежевки Гераклеийского и Тарханкутского полуостровов, система расселения в Северо-Западном Крыму была все же принципиально иной.

С последней четверти IV в. до н.э. в материальной культуре поселений Северо-Западного Крыма прослеживаются многочисленные черты и культурные влияния, которые бесспорно связываются с Херсонесом. Не ранее последней четверти этого столетия проявляются херсонесские погребальные традиции и в некрополях Северо-Западного Крыма (Рогов 1989: 102-103; 1998: 14). Причем херсонесское влияние заметно нарастает к концу столетия, и особенно в начале III в. до н.э.

Если опираться на массовый археологический материал, на твердо установленные факты, то, безусловно, придется признать, что экспансия Херсонеса в Северо-Западный Крым начинается не ранее конца третьей четверти IV в. до н.э., причем под термином «экспансия» в данном случае следует понимать активное и широкомасштабное освоение земель Северо-Западного Крыма. Этот последний этап освоения эллинами Тарханкутского полуострова, который без сомнения может именоваться херсонесским, закончился в конце первой трети III в. до н.э. гибелью и разорением большинства сельских поселений.

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин В.А. 1977. Монетное дело Херсонеса. Киев.
- Анохин В.А. 1988. Монетное дело и денежное обращение Керкинитиды (по материалам раскопок 1980-1982) // Античные древности Северного Причерноморья. Киев.
- Анохин В.А. 1989. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Бабенчиков В.П. 1941. Гераклеийский полуостров, его географическая и экономическая среда // Гераклеийский сборник. Архив ИИМК РАН. Ф.35. Оп.2. Д.452.
- Белов Г.Д. 1938. Отчет о раскопках Херсонеса за 1935-36 гг. Гос. изд-во Крымской АССР.
- Белов Г.Д. 1948. Херсонес Таврический. Л.
- Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф. 1953. Кварталы XV и XVI (Раскопки 1937 г.) // МИА. № 34.
- Белов Г.Д. 1972. Ионийская керамика из Херсонеса // ТГЭ. № XIII.
- Белов Г.Д. 1981. Некрополь Херсонеса классической эпохи // СА. № 3.
- Беляев С.А. 1984. Херсонес // Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М.
- Бертъе-Делагард А.Л. 1907. О Херсонесе. Древнейший Херсонес по Страбону и раскопкам // ИАК. Вып. 21.
- Білецький А.О. 1957. Про власні імена з Ольвійських написів // Археологія. Т.XI.
- Блаватский В.Д. 1949. Рец. на кн.: Белов Г.Д. Херсонес Таврический. Л., 1948 // ВДИ. № 3.
- Блаватский В.Д. 1950а. Рец. на кн.: Каллистов Д.П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949 // ВДИ. № 3.
- Блаватский В.Д. 1950. Античная культура в Северном Причерноморье // КСИИМК. Вып. XXXV.
- Блаватский В.Д. 1953. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.
- Блаватский В.Д. 1954. Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья // СА. Т.XX.
- Бонч-Осмоловский Г.А. 1926. Доисторические культуры Крыма // «Крым». № 2.
- Борисова В.В. 1949. Амфорные ручки с именами астиномов древнего Херсонеса // ВДИ.
- Буйських С.Б., Нікітін В.І. 1989. Охоронні розкопки могильника IV-III ст. до н.е. Лагерна Коса // Археологія. № 63.
- Бураков А.В., Отрешко В.М., Буйских С.Б., Назарчук В.И. 1975. Работы периферийного отряда Ольвий-

- ской экспедиции // АО 1974 года.
- Бурачков П.С. 1884. Общий каталог монет, принадлежащих эллинистическим колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. Одесса.
- Виноградов Ю.А., Марченко К.К. 1991. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // СА. № 1.
- Виноградов Ю.Г. 1980. Перстень царя Скила. Политическая и династическая история скифов первой половины V в. до н.э. // СА. № 3.
- Виноградов Ю.Г. 1981. Варвары в просопографии Ольвии в VI-V вв. до н.э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси.
- Виноградов Ю.Г. 1989. Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М.
- Виноградов Ю.Г. 1990. Ольвиополиты в Северо-Западной Таврике // Древнее Причерноморье. Одесса.
- Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. 1990. Древнейший Херсонес // Причерноморье в VII-V вв. до н.э. Тбилиси.
- Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. 1990. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М.
- Вонсович А. 1994. Перемещение главного населенного пункта в микрорегионах греческой колонизации // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тез. докл. Ростов-на-Дону.
- Гайдукевич В.Ф. 1949. Боспорское царство. М.-Л.
- Гайдукевич В.Ф. 1949а. Рец. на кн.: Г.Д.Белов. Херсонес Таврический // ВДИ. № 3.
- Гайдукевич В.Ф. 1966. Некоторые вопросы экономической истории Боспора // ВДИ. № 1.
- Гайдукевич В.Ф. 1981. Загородная сельская усадьба эллинистической эпохи в районе Мирмекия // Гайдукевич В.Ф. Боспорские города. Л.
- Гайдукевич В.Ф., Капошина С.И. 1951. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья // СА. Т.XV.
- Гилевич А.М. 1970. Кучук-Мойнакский клад херсонесских монет IV-III вв. до н.э. // НЭ, т.8.
- Голенцов А.С. 1981. К вопросу о существовании догреческого поселения на территории Керкинитиды // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси.
- Головачева Н.В., Марченко К.К., Рогов Е.Я., Соловьев С.Л. 1991. Античное поселение Нижнего Побужья Козырка 12 (классический период) // КСИА. Вып.204.
- Граков Б.Н. 1947а. Термин «Σκυθαι» и его производные в надписях Северного Причерноморья // КСИИМК. Вып.XVI.
- Грандмезон Н.Н. 1982. Заметки о монетах Херсонеса Таврического // Нумизматика античного Причерноморья. Киев.
- Грацианская Л.И. 1988. «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР. 1986. М.
- Гриневич К.Ф. 1927. Древнейшая оборонительная стена в Херсонесе, обнаруженная разведкой 1927 г. // II конференция археологов СССР в Херсонесе 10-13 октября 1927. Севастополь.
- Гриневич К.Э. 1952. Юз-Оба (Боспорский могильник IV в. до н.э.) // АИБ. I.
- Даниленко В.П. 1966. Просопография Херсонеса IV-II вв. до н.э. // Античная древность и Средние века. Вып.4.
- Дашевская О.Д. 1963. О таврской керамике с гребенчатым орнаментом // СА. № 4.
- Дашевская О.Д. 1970. О происхождении названия города Керкинитиды // ВДИ. № 2.
- Дашевская О.Д. 1971. Скифы на северо-западном побережье Крыма в свете новых открытий // ПСА. М.
- Дашевская О.Д. 1981. О скифах Северо-Западного Крыма в период греческой колонизации // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. 1982. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.
- Домбровский О.И. 1957. Розкопки античного театра в Херсонесе // Археология. № 10.
- Дьяков В.Н. 1940. Древняя Таврика до римской оккупации // ВДИ. № 3.
- Ельницкий Л.А. 1983. Интерес к скифам, скифская тема в искусстве и скифское культурное влияние в Греции // Кlio. 65. 1.
- Ена В.Г. 1983. Заповедные ландшафты Крыма. Симферополь. «Таврия».
- Жебелев С.А. 1933. Счастливые города // ИГАИМК. Вып.100.
- Жебелев С.А. 1953. Северное Причерноморье. М.-Л.
- Жеребцов Е.Н. 1985. Материалы к периодизации античных памятников Маячного полуострова // КСИА. Вып.182.
- Зедгенидзе А.А. 1959. О времени основания Херсонеса Таврического // КСИА. Вып.159.
- Зедгенидзе А.А. 1976. Исследования северо-западного участка античного театра в Херсонесе // КСИА. Вып.145.
- Зедгенидзе А.А., Савеля О.Я. 1981. Некрополь Херсонеса V-IV вв. до н.э. как источник изучения этнического и социального состава населения города // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси.
- Зедгенидзе А.А. 1993. К вопросу об удревнении даты основания Херсонеса Таврического // РА. № 3.
- Зельин К.К., Трофимова М.К. 1969. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период. М.
- Зограф А.Н. 1927. Две группы Херсонесских монет с заимствованными типами // ИРАИМК. V.
- Зограф А.Н. 1945. Статеры Александры Македонского // ТОАМ. I.
- Зограф А.Н. 1951. Античные монеты. МИА // Вып.16.
- Золотарев М.И. 1984. Два типа редких монет Феодосии IV в. до н.э. // ВДИ. № 1.
- Золотарев М.И. 1986. Херсонес и Ольвия в конце VI-II вв. до н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук.
- Золотарев М.И. 1986 б. Раскопки в северо-восточном районе Херсонеса // АО 1985 года.
- Золотарев М.И. 1988. Северо-восточный район Херсонеса в античное время // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. Севастополь.
- Золотарев М.И. 1993. Херсонесская архаика. Севастополь.
- Зубарь В.М. 1988. Еще раз по поводу интерпретации захоронений в скорченном положении на некрополе Херсонеса IV в. до н.э. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. Севастополь.
- Кадеев В.И. 1973. Об этнической принадлежности скорченных погребений Херсонесского некрополя // ВДИ. № 4.
- Кадеев В.И. 1974. Об этнической принадлежности име-

- ни Σκυθας в Херсонесе Таврическом // СА. № 3.
- Кадеев В. И. 1995. Ещё раз об этнической принадлежности скорченных захоронений в раннем некрополе Херсонеса // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь.
- Каллистов Д.П. 1949. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л.
- Каллистов Д.П. 1952. Северное Причерноморье в античную эпоху. М.
- Капошина С.И. 1937. Проблема состава населения Ольвии по материалам архаического некрополя. Тез. канд. дис. Л.
- Капошина С.И. 1941. Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса // СА. Т.VII.
- Капошина С.И. 1945. Пережитки ритуального окрашивания костяков в Ольвийском некрополе и в погребениях Приднепровских скифов // КСИИМК. Вып. XII.
- Карасев А.Н. 1965. Отчет о раскопках городища Чайка в 1965 г. // Архив ИИМК. Ф.35/1965. Д.100.
- Карасев А.Н. 1966. Отчет о раскопках поселения у санатория «Чайка» в 1966 г. Архив ИИМК. Ф.35/1966. Д.100.
- Карасев А.Н. 1967. Раскопки городища Чайка в Евпатории // АО.
- Карышковский П.О. 1953. Еще раз о книге А.Н.Зюгера «Античные монеты» // ВДИ. № 1.
- Кастанаян Е.Г. 1981. Лепная керамика боспорских городов. Л.
- Книпович Т.Н. 1956. Население Ольвии в VI-I вв. до н.э. по данным эпиграфических источников // МИА. № 50.
- Козуб Ю.И. Некрополь Ольвии V-IV ст. до н.э. Киев.
- Колесников А.Б. 1985. Греческие сельскохозяйственные усадьбы в районе г.Евпатория. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Колесников А.Б., Яценко И.В. 1989. Античный виноградник на Евпаторийском мысу // Проблемы истории античных городов. Тез. докл. М.
- Колесников А. Б. 1998 К интерпретации источников по античному виноградарству. // Древности Боспора. Т.I
- Колотухин В.А. 1987. Население предгорного и горного Крыма в VII-V вв. до н.э. // Материалы к этнической истории Крыма. Киев.
- Корпусова В.М. 1972. Про населення хори античної Феодосії // Археологія. № 6.
- Косцюшко-Валюжинич К.К. 1891. Важные археологические открытия в Крыму // ИТУАК.. № 13.
- Крис Х.И. 1971. О таврах и кизил-кобинской культуре // ВДИ. № 4.
- Крис Х.И. 1981. Кизил-кобинская культура и тавры // САИ. Вып. Д I-7. М.
- Крис Х.И. 1989. Культура тавров // Археология СССР. Степи Евразийской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Кругликова И.Т. 1959. Сельская территория Боспора // ПИСП.
- Кругликова И.Т. 1963. Исследования сельских поселений Боспора // ВДИ. № 2.
- Кругликова И.Т. 1975. Сельское хозяйство Боспора. М.
- Крыжицкий С.Д. 1982. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев.
- Крыжицкий С.Д. 1985. Ольвия. Киев.
- Крыжицкий С.Д. 1993. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев.
- Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. 1989. Сельская округа Ольвии. Киев.
- Кузьмина Е.Е. 1976. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сарматский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
- Кузьмина Е.Е. 1976а. О семантике изображений на Чертомлыкской вазе // СА. № 3.
- Кутайсов В.А. 1987а. Кизил-кобинская керамика из раскопок Керкинитиды // Материалы к этнической истории Крыма. Киев.
- Кутайсов В.А. 1990. Античный город Керкинитиды VI-II вв. до н.э. Киев.
- Кутайсов В.А. 1991. Население Керкинитиды // Проблемы истории Крыма. Тез. докл. Вып. 1. Симферополь.
- Кутайсов В.А. 1992. Керкинитиды. Симферополь.
- Кутайсов В.А., Ланцов С.Б. 1989. Некрополь античной Керкинитиды. Киев.
- Кутайсов В.А., Уженцев В.Б. 1994. Археологические исследования Калос Лимена // Археологические исследования в Крыму в 1993 г. Симферополь.
- Кутайсов В. А., Уженцев С. Б. 1994а. Восточные ворота Калос Лимена // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Симферополь.
- Кутайсов В. А., Уженцев С. Б. 1997. Раскопки Калос Лимена (. 1988-1995) // Археология Крыма. № 1/97
- Ланцов С.Б. 1994. Античное поселение Ново-Федоровка и некоторые вопросы истории Херсонесской хоры // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев.
- Лапин В.В. 1966. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев.
- Леви Е.И. 1958. К истории торговли Ольвии в IV-III вв. до н.э. // СА. XXVIII.
- Лесков А.М. 1961. Об остатках таврской культуры на Керченском полуострове // СА. № 1.
- Лесков А.М. 1965. Горный Крым в I тыс. до н.э. Киев.
- Липавский С.А. 1990. О времени появления курганных погребений в Ольвии // Материалы по археологии Ольвии и ее округи. Киев.
- Липавский С.А., Снытко И.А. 1990. Курганы раннеантичного времени в урочище Чертоватое и некоторые проблемы населения Ольвийской хоры // Материалы по археологии Ольвии и ее округи. Киев.
- Марченко К.К. 1972. Концентрация лепной керамики в Ольвии второй половины VI-I вв. до н.э. // СА. № 4.
- Марченко К.К. 1988а. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII-первой половине I в. до н.э. Л.
- Медведева Л.И. 1984. Монеты Керкинитиды //НЭ.
- Монахов С.Ю., Абросимов Э.Н. 1993. Новое о старых материалах из Херсонесского некрополя // АМА. Вып.9.
- Наливкина М.А. 1957. Раскопки Керкинитиды и Калос Лимена (1948-1952) // История и археология древнего Крыма. Киев.
- Наливкина М.А. 1959. Торговые связи античных городов Северо-Западного Крыма // ПИСП.
- Наливкина М.А. 1963. Керкинитиды и Калос Лимен (некоторые итоги изучения) // Античный город. М.-Л.
- Ольховский В.С. 1977. Скифские катакомбы в Северном Причерноморье // СА. № 4.
- Ольховский В.С. 1978. Погребальные обряды населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Ольховский В.С. 1982. О населении Крыма в скифское время // СА. № 4.
- Ольховский В.С., Храпунов И.Н. 1990. Крымская Скифия. Симферополь. «Таврия».

- Орешников А.В. 1892. Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья. М.
- Печенкин Н.М. 1911. Археологические разведки в местности Страбоновского Старого Херсонеса // ИАК. Вып.42.
- Печенкин Н.М. 1911а. Археологические раскопки в местности Страбоновского Старого Херсонеса. Архив ИИМК. Ф.27. Д.14.
- Пятышева Н.В. 1949. Тавры и Херсонес Таврический // КСИИМК. XXIX.
- Пятышева Н.В. 1956. Ювелирные изделия из Херсонеса // ТГИМ. Вып. XVIII.
- Раевский Д.С. 1968. О местонахождении древнего Евпатория // ВДИ. № 3.
- Репников Н.И. 1927. О предполагаемых древностях Тавров // ИТОИАЭ. № 1.
- Рогов Е.Я. 1988. Херсонесский некрополь и некрополь Панское I — опыт сопоставления // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. Тез. докл. Севастополь.
- Рогов Е.Я. 1989. О хронологии могильника Панское I // Проблемы исследований античных городов. Тез. докл. М.
- Рогов Е.Я. 1998. Некрополь Панское 1 и его место среди некрополей IV-III вв. до н. э. в Северном Причерноморье. Автореф. Дисс. СПб.
- Романченко Н.Ф. 1896. Материалы по археологии Евпаторийского уезда // ЗРАО. 1-2. Нов. серия. М.
- Ростовцев М.И. 1918. Эллинство и иранство на юге России. Пг.
- Ростовцев М.И. 1925. Скифия и Боспор. РАИМК.
- Савеля О.Я. 1970. О керамике с врезным орнаментом из Херсонеса // КСИА. № 124.
- Савеля О.Я. 1974. Раскопки и разведки в окрестностях Симферополя // АО -. 1973 года.
- Савеля О.Я. 1975. К проблеме взаимоотношений Херсонеса Таврического с варварами Юго-Западного Крыма в V-III вв. до н.э. // Новейшие открытия советских археологов. Тез. докл., ч.II. Киев.
- Савеля О.Я. 1979. О греко-варварских взаимодействиях в Юго-Западном Крыму в VI-IV вв. до н.э. // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси.
- Сапрыкин С.Ю. 1986. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М.
- Свенцицкая И.С. 1967. Положение зависимого населения Малой Азии V-IV вв. до н.э. // ВДИ. № 4.
- Сенаторов С.Н. 1988. О керамике с гребенчатым орнаментом из Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. Тез. докл. Севастополь.
- Снытко И.А. 1986. Грунтовой некрополь IV-III вв. до н.э. в урочище Дидова хата // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тез. докл. III конф. молодых ученых ИА АН СССР. М.
- Снытко И.А. 1988. Погребальные сооружения античных некрополей Нижнего Побужья и Северо-Западного Крыма IV в. до н.э. — I в.н.э. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. Тез. докл. Севастополь.
- Снытко И.А. 1990. Исследования некрополя античного времени в урочище Сиверсов маяк // Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей). Тез. докл. юбил. конф., ч.2. Херсон.
- Снытко И.А. 1994. Еще раз о миксэллинах Ольвийского декрета в честь Протогена // Тез. докл. Международной конф. «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья». Запорожье.
- Соломоник Э.И. 1962. Эпиграфические памятники Неаполя Скифского // НЭ. III.
- Соломоник Э.И. 1987. Два античных письма из Крыма // ВДИ. № 3.
- Столба В.Ф. 1989. Еще раз о керкинитидских монетах IV-III вв. до н.э. // Древнее Причерноморье. Тез. докл. Одесса.
- Столба В.Ф. 1990. Монетная чеканка Керкинитиды и некоторые вопросы Херсонесо-Керкинитидских отношений в IV-III вв. до н.э. // Древнее Причерноморье. Одесса.
- Столба В.Ф. 1991. Херсонес и скифы в V-II вв. до н.э. (Проблема взаимоотношений). Архив ИИМК РАН. Ф.33. 2Д № 474.
- Столба В.Ф. 1993. Демографическая ситуация в Крыму в V-II вв. до н.э. (по данным письменных источников) // ПАВ. № 6.
- Стржелецкий С.Ф. 1948. Раскопки таврского некрополя в 1945 г. // ХС. Вып. IV.
- Стржелецкий С.Ф. 1948а. Раскопки. 1939 года у Карантина вблизи Херсонеса Таврического // ХС. Вып. IV.
- Стржелецкий С.Ф. 1948б. Жертвенник Гераклу // ХС. Вып. IV.
- Стржелецкий С.Ф. 1959. Основные этапы экономического развития и периодизации истории Херсонеса Таврического в античную эпоху // ПИДО.
- Стржелецкий С.Ф. 1959а. Очерки истории Гераклейского полуострова и его окружи в эпоху бронзы и раннего железа. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Стржелецкий С.Ф. 1961. Клеры Херсонеса Таврического // ХС. Вып. VI.
- Туровский Е.Я. 1995. Хронология сельских усадеб на Гераклейском полуострове в IV-II вв. до н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Тюменев А.И. 1938. Херсонесские этюды. I. К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения Херсонеса // ВДИ. № 2(3).
- Тюменев А.И. 1949. Херсонесские этюды. III. Херсонес и местное население: Тавры // ВДИ. № 4.
- Фролов Э.Д. 1981. Гераклейские мариандины // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси.
- Фролов Э.Д. 1988. Рождение греческого полиса. Л.
- Храпунов И.Н., Власов В.П. 1994. Раскопки кизил-кобинского поселения Шпыль // Археологические исследования в Крыму в 1993 г. Симферополь.
- Храпунов И. Н., Власов В. П. 1995. Кизил-кобинское поселение Шпыль // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь.
- Шелов Д.Б. 1971. Скифо-македонский конфликт в истории античного мира // Проблемы скифской археологии. М.
- Штерн Э.Р. 1908. О местонахождении древнего Херсонеса. Одесса.
- Шульц П.Н. 1959. О некоторых вопросах истории тавров // ПИСП.
- Щеглов А.Н. 1970. Рец. на СХМ. Вып. IV // ВДИ. № 3.
- Щеглов А.Н. 1975. «Старый» Херсонес Страбона // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Тез. докл. Киев.
- Щеглов А.Н. 1976. Полис и хора. Симферополь.
- Щеглов А.Н. 1978. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.
- Щеглов А.Н. 1981. Тавры и греческие колонии в Таврике // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси.

- Щеглов А.Н. 1984. «Старый» Херсонес и его округа // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М.
- Щеглов А.Н. 1986. Процесс и характер территориальной экспансии Херсонеса в IV в. до н.э. // Античная гражданская община. Л.
- Щеглов А.Н. 1988. Тавры в VII — первой половине IV вв. до н.э. и греко-тавские взаимоотношения // Местные этнополитические объединения в Причерноморье в VII — IV вв. до н.э. Тбилиси.
- Щеглов А.Н. 1990. О времени и обстоятельствах возникновения Калос Лимена // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Тез. докл., ч.II. Херсон.
- Щеглов А.Н. 1993. Основные структурные элементы античной межевой системы на Маячном полуострове (Юго-Западный Крым) // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь.
- Щеглов А.Н., Рогов Е.Я. 1985. Погребения в подбойных могилах в Нижнем Побужье, Нижнем Поднеестровье и Северо-Западном Крыму // Проблемы исследования Ольвии. Тез. докл. Парутино.
- Яйленко В.П. 1982. Греческая колонизация VII-III вв. до н.э. М.
- Manzewitsch A. 1932. Ein Grabfund aus Chersones // Verhandlungen der Akademie für Geschichte der materialien Kultur. II. Leningrad.
- Pippidi D.M. 1959. Sur un passage obscur du décret en l'Honneur de Diophante fils d'Asclepiodore // Archeologia. Warszawa. IX.